

Андрей ВОРОНИН

СПЕЦНАЗОВЕЦ

**ШАЛЬНАЯ
ПУЛЯ**

Спецназовец

Андрей Воронин

Спецназовец. Шальная пуля

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спецназовец. Шальная пуля / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Спецназовец)

ISBN 978-985-16-9685-3

В столичном аэропорту Домодедово террорист-смертник, дагестанец, приводит в действие взрывное устройство... Казалось бы, «кавказский след» в данном деле очевиден. Однако это заведомо ложный след и к трагическим событиям причастны совсем другие силы. Юрий Якушев (Спец) пытается выяснить, кто же на самом деле стоит за терактом...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-9685-3

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Спецназовец. Шальная пуля

© Подготовка и оформление Харвест, 2011

Глава 1

Свернув с мокро поблескивающего, похожего на шершавую шкуру исполинского морского змея асфальта, колонна двинулась по уходящему в поля проселку. Первым, прокладывая в нападавшем за ночь снегу глубокие колеи, шел армейский «Урал» повышенной проходимости с утепленным кунгом, над крышей которого, курясь белесым дымком, торчала жестяная труба печки-буржуйки. Этот разрисованный камуфляжными пятнами и разводами могучий монстр с колесами в половину человеческого роста мог пробиться через любые сугробы, но в данном случае таких подвигов от него не требовалось: на протяжении последних двух недель погода стояла не по-зимнему теплая, столбик термометра колебался около нулевой отметки, мокрый снег сменялся дождем, и снеговой покров, подтаивая, оседал, слой за слоем покрываясь ледяной коркой наста.

Следом за «Уралом» шел, посверкивая хищно оскаленными хромированными клыками радиаторной решетки, приплюснутый и угловатый «хаммер»; за «хаммером» глыбой полированного мрака двигался громоздкий полноприводный «кадиллак», а замыкал колонну новенький, обтекаемый, со стремительными обводами роскошной морской яхты или реактивного истребителя, «инфинити FX». Здесь, посреди дремлющей под снеговым одеялом слегка всхолмленной, затянутой серой пеленой сырого оттепельного тумана равнины, эта выставка достижений зарубежной автомобильной промышленности смотрелась немного странно. Куда уместнее выглядел чадающий выхлопной трубой «Урал», продолжавший с тупой настойчивостью движущегося к водопою носорога перемалывать колесами российское бездорожье. Из-под него веером летели ошметки забившегося в протекторы снега, и водителю «хаммера» приходилось соблюдать приличную дистанцию, чтобы это добро не било в ветровое стекло.

Машины раскачивались и приседали на неровностях обледенелой, заснеженной дороги, и их пассажирам казалось, что они плывут по застывшему морю грязно-белого цвета, над поверхностью которого в тумане чернеют мертвые стебли прошлогодней травы да возвышаются островками неправильной округлой формы купы голых кустов. Светало медленно, будто через силу, туман постепенно редел, и через какое-то время вдаль стала смутно видна темная щетина лесной опушки.

Прошло больше получаса, прежде чем возглавляющий колонну грузовик, перевалив гребень пологого холма и спустившись в низину, съехал с дороги и остановился, по ступицы колес увязнув в мокром рыхлом снегу, ошетилившемся серыми ноздреватыми обломками наста. Его двигатель замолчал, выхлопная труба в последний раз содрогнулась, плюнув черной копотью, и успокоилась, лишь над полукруглой крышей кунга по-прежнему вился голубоватый, уютно пахнущий сосновыми дровами дымок: егеря топили печку на тот случай, если кто-то из гостей озябнет и захочет посидеть в тепле с кружкой горячего, отдающего костром чая.

Внедорожники, скребя днищами по насту, один за другим осторожно сползли в продавленную «Уралом» глубокую колею и остановились. Из них начали выходить люди в теплом зимнем камуфляже и легких, непроницаемых для мороза и ветра куртках на гагачьем пуху. Удобные и теплые меховые унты, лисьи и волчьи хвосты на шапках, туго набитые патронташи и подсумки, устрашающего вида охотничьи ножи в ножнах из меха и тисненой кожи – для понимающего человека все это было лишь прелюдией к основному зрелищу, которое являло собой извлеченное из открытых багажников оружие. Гладкоствольные ружья, винтовки, карабины – здесь не было двух одинаковых экземпляров и ни одного, который стоил бы меньше пяти тысяч долларов. Красное дерево, серебряная насечка и затейливая резьба соперничали с выверенной, возведенной в ранг высокого искусства утилитарной простотой вороненого металла; коллекционные стволы, вывезенные в поле ради забавы, в совокупности могли обеспечить огневую

мощь, способную в течение нескольких часов сдерживать наступление крупных сил противника.

Владельцы всего этого великолепия тоже выглядели довольно примечательно. В наше относительно благоустроенное время любой шустрый и удачливый сопляк может позволить себе какую угодно роскошь, бездумно пустив на ветер украденные, взятые взаймы или полученные от богатых родителей деньги. Но участники этой воистину барской охоты были люди солидные, состоявшиеся – не мальчики, но мужи, причем, судя по общему для всех гладких, холеных лиц выражению значительности, мужи не какие попало, а государственные. Было их немного, всего шесть человек – по два на каждый из внедорожников, – и все они говорили и двигались со степенной неторопливостью людей, хорошо знающих себе цену.

Высыпавшие из жарко натопленного кунга егеря роздали им короткие и широкие, подбитые снизу мехом охотничьи лыжи и помогли застегнуть ременные крепления: начальственные поясицы в отсутствие более высокопоставленных лиц волшебным образом теряют природную гибкость; к тому же, не надо забывать о животах, которые у государственных людей растут не то чтобы соразмерно рангу, но все-таки растут.

По ходу этой процедуры главный егеря провел короткий инструктаж. Главному егерю было никак не больше сорока, но он выглядел старше из-за глубоких мимических морщин, что залегли в уголках глаз и вокруг рта, и окладистой русой бороды, обрамлявшей широкое обветренное лицо. Из-за этой старообразности, да еще в силу традиции, уходящей корнями во времена крепостного права, все называли его Митричем. Глаза у Митрича были блекло-голубые, словно выгоревшие на солнце, и почти постоянно прищуренные, как от яркого света, а выражение лица – непроницаемо-спокойное. Охотники слушали его невнимательно, вполуха, если вообще слушали, но он продолжал говорить ровным глуховатым голосом, в спокойном, деловитом тоне, честно отработывая щедрый гонорар. Он ничем не выдавал пренебрежения, которое испытывал к людям, превратившим убийство ради пропитания даже не в спорт, а в кровавую забаву с заранее предрешенным исходом, но и не лебезил перед своими щедрыми гостями, каждый из которых мог не только раскошелиться, но и стереть его в порошок одним росчерком пера или небрежно оброненным в присутствии нужного человека словом. Точно зная, что каждого из охотников все равно придется брать за руку и ставить на нужное место, Митрич немногословно и точно объяснил, кому на каком номере стоять, какой сектор держать под наблюдением и когда открывать огонь. Рука в меховой рукавице привычно указывала то на обозначенный темной извилистой полосой кустарника овраг, откуда должен был появиться зверь, то на очерченный пунктиром мертво повисших в сыром безветренном воздухе красных флажков коридор. Закончив инструктаж, он поправил на плече брезентовый ремень старенькой тульской двустволки и, не оглядываясь, двинулся вперед, прокладывая лыжню.

– Ну, держись, серые! – сказал кто-то, и участники охоты, выстраиваясь растянутой цепочкой, неумело заскользили за егерем на своих непривычно тяжелых и неуклюжих охотничьих лыжах.

Генерал-майор ФСБ Бочкарев первым, без помощи егеря, добрался до своего номера. Андрей Васильевич Бочкарев был, пожалуй, единственным по-настоящему бывалым, опытным охотником из всей компании и находил предстоящую забаву лишенной какого бы то ни было спортивного интереса. Ему доводилось выходить один на один с медведем, и среди знающих людей до сих пор ходили легенды о том, как он в одиночку, не имея ничего, кроме охотничьего ножа, уработал матерого секача. О двуногих зверях, которых он в свое время тоже завалял немало, нечего и говорить: это была его работа, имевшая к спорту и развлечениям столько же отношения, сколько сегодняшнее мероприятие – к тому, что принято называть охотой.

При прочих равных условиях Андрей Васильевич ни за что не согласился бы участвовать в этом показушном, никому, по большому счету, не нужном, тщательно организованном и оттого смертельно скучном кровопролитии. Но, во-первых, это было что-то вроде велико-

светского раута, отказ от присутствия на котором могли расценить как проявление дурного тона. Здесь собрались важные, облеченные властью люди, каждое слово которых имело немалую цену и вес; к тому же, при рассмотрении с определенной точки зрения эту бессмысленную потеху можно было рассматривать как неотъемлемую часть его работы.

Воткнув в сугроб лыжные палки, которые ему, в отличие от остальных участников охоты, были нужны, как зайцу стоп-сигнал, и которые он взял, просто чтобы не выделяться из общей массы, Андрей Васильевич скинул с плеча ремень своего гладкоствольного «зауэра». Будучи человеком не просто военным, а успевшим нанюхаться пороха на три жизни вперед, генерал Бочкарев давно перестал ловить кайф от стрельбы по беззащитному зверью из нарезного автоматического оружия, способного прошибить насквозь стальной железнодорожный рельс. Волков благополучно убивали задолго до того, как были изобретены СВД, «сайга», автомат Калашникова и их заграничные братья-конкуренты. Расстреливать длинными очередями зверя, который заведомо не может причинить тебе вреда, да еще и глядя на него через мощный телескопический прицел, – забава для мясников. Куда приятнее взять в руки драгоценное коллекционное ружье, взвести курки и, подпустив хищника на расстояние прыжка, убедиться, что возраст и богатая отделка никак не повлияли на точность боя и убойную мощь оружия, а сидячий образ жизни и, опять же, возраст стрелка оставили в неприкосновенности его твердую руку и верный глаз.

Генерал неторопливо зарядил ружье жаканом и повесил на плечо – по-охотничьи, дулом вниз. «Зауэр» ему подарили на полувековой юбилей коллеги – как ни странно, немецкие. По их словам, прежде ружье принадлежало какому-то прусскому барону, и Андрей Васильевич не стал уточнять, служил ли барон или кто-нибудь из его отпрысков в СС. Повзрослев и немного разобравшись в том, как устроен и действует современный ему мир, Бочкарев каленым железом вытравил из себя то, что в Советском Союзе именовалось патриотическим воспитанием – то есть, конечно, не патриотизм как таковой, а самые кондовые, квасные его проявления. Он избегал даже мысленно называть немцев фрицами или, упаси бог, фашистами и при общении с ними воздерживался от упоминаний о войне, если они не затрагивали эту тему первыми.

Вообще, Андрей Васильевич давно убедился, что, если хочешь хоть чего-то добиться в этой жизни, тебе неизбежно придется выбирать между «хочется» и «надо» в пользу последнего. Жить как хочется могут себе позволить разве что патлатые хиппи да удачно выскочившие замуж грудастые длинноногие шлюшки. Да и те со временем упираются в дно и становятся перед выбором: либо в канаву, а оттуда в могилу, либо стиснуть зубы и делать то, чего требуют обстоятельства. И, если ты не один из них, то чем выше ты поднимаешься, тем глубже и шире становится пропасть между этими коротенькими словечками – вернее, между понятиями, которые они означают. «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом! Лучшей работы я вам, сеньоры, не назову»... Автор слов этой популярной в начале семидесятых годов прошлого века шуточной песенки генералом явно не был, иначе не стал бы зубоскалить на эту тему – да и на любую другую, если на то пошло. Быть генералом хорошо, если ты готов нести на своих плечах неимоверный груз ответственности, стократно превышающий и сводящий на нет предоставленные тебе по чину материальные блага. То есть, это в том случае, если ты действительно генерал, а не мешок дерьма в погонах с большими звездами. А если при этом ты еще и генерал ФСБ, твоя трудовая деятельность не прекращается никогда – ни дома, ни на курорте, ни на охоте, ни даже во сне.

Сшитое на заказ зимнее полевое обмундирование без знаков различия с учетом погоды было даже чересчур теплым, так что, стоя без движения посреди заснеженного поля и вдыхая сырой, промозглый воздух ранней оттепели, Андрей Васильевич чувствовал себя вполне комфортно. По старой памяти немного хотелось закурить, но даже в те времена, когда еще не избавился от этой скверной привычки и при каждом удобном случае дымил, как паровоз, Бочкарев никогда не позволял себе баловаться табачком во время охоты. Между тем над одним из номе-

ров уже поднимались, лениво смешиваясь с туманом, предательские облачка дыма, и генерал подавил печальный вздох: э-хе-хе, охотнички! Небось, уже и коньячку успели хлебнуть – как водится, из плоской серебристой фляжки, выгнутой, чтобы плотнее прилегала к телу и не так сильно выпирала из-под одежды... Тьфу!

Справа послышался характерный шорох скользящих по сырому снегу лыж и мокрый хруст подламывающегося под тяжестью чьего-то крупного тела подтаявшего наста. Повернув голову на звук, Бочкарев увидел Игоря Геннадьевича Асташова, который, весь раскрасневшись, пыхтя от прилагаемых усилий, приближался к нему со стороны своего номера. Дорогая импортная винтовка с ложей красного дерева и сильным телескопическим прицелом болталась у него поперек груди, раскачиваясь, как маятник, и поддавая по локтям неумело орудующих лыжными палками рук, мохнатая лисья шапка съехала на глаза, из разинутого рта валил горячий пар. Глядя на господина Асташова, можно было подумать, что он в самоубийственном темпе преодолел на лыжах марафонскую дистанцию, а не прошел со скоростью улитки каких-то сто – сто пятьдесят метров. Генерал Бочкарев усилием воли преодолел желание брезгливо отвернуться: смотреть на Асташова ему нынче было невозможно, а не смотреть – нельзя, поскольку именно из-за него Андрей Васильевич и принял приглашение поохотиться на волков.

– Еще раз здравствуйте, – с одышкой произнес, приблизившись, Асташов. Они с Бочкаревым ехали в разных машинах, садились в них в разных местах и до сих пор успели обменяться разве что кивком, так что повторное приветствие прозвучало вполне уместно. – А погодка-то как по заказу! Февраль только-только наступил, а ощущение, будто на дворе середина марта.

– Да, чудит погода, – сдержанно согласился генерал. – Кстати, с назначением вас, Игорь Геннадьевич.

– Тьфу-тьфу-тьфу! – Асташов суеверно поплевал через левое плечо и постучал костяшками пальцев по прикладу винтовки. – Не сглазьте, приказ-то еще не подписан!

– Подпишут, – заверил Андрей Васильевич. – На таком уровне решения готовятся месяцами и под влиянием минутного настроения не меняются. Так что можете с чистой совестью принимать поздравления.

Его слова были чистой правдой. Асташов готовился занять пост начальника управления авиоперевозок в министерстве транспорта – фактически, стать заместителем министра. Приказ об его назначении лежал на столе у президента, и, коль скоро он туда попал, при отсутствии каких-то новых, исключительных, прямо-таки форс-мажорных обстоятельств ему предстояло быть подписанным в ближайшие дни. Противнее всего было то, что Асташов об этом прекрасно знал, но не мог удержаться от своеобразного кокетства: тьфу-тьфу-тьфу, как бы не сглазить, и далее в том же духе. Как будто, если бы вопрос не был решен, его позвали бы в эту компанию!

– Ну, спасибо, – сказал Асташов. – И за поздравление, и вообще – как говорится, на добром слове.

– Не за что, – сказал Андрей Васильевич. – Нам с вами теперь работать рука об руку. Как показали недавние события, работы по моей части в вашем ведомстве непочатый край.

– Сработаемся, – заверил Асташов.

«Сомневаюсь», – подумал генерал, но подавил желание произнести это вслух так же легко и привычно, как преодолевал искушение приветствовать сошедших с трапа самолета немецких коллег радостным возгласом: «Здорово, гансы! Гитлер капут?»

– Несомненно, – сказал он вместо этого.

Асташов раздёрнул «молнию» желтого шведского пуховика, сунул руку за пазуху и извлек оттуда предмет, о котором пару минут назад думал генерал – плоскую, удобно выгнутую, обтянутую кожей, аппетитно булькнувшую серебристую фляжку.

– Не желаете?

– Благодарю. – Бочкарев отрицательно качнул головой. – И сам не буду, и вам не советую. Пить во время охоты – последнее дело. Ну, зверя-то вы, конечно, запахом коньяка не спугнете, об этом позаботились егеря и загонщики. Но алкоголь и огнестрельное оружие – сочетание непредсказуемое и взрывоопасное. Засадите, извините за выражение, кому-нибудь в лоб, и что тогда? Лбы здесь, конечно, преимущественно твердые, министерские да генеральские, но ведь и ствол у вас знатный! Далеко ли до беды!..

Словно в подтверждение его слов, откуда-то издалека прикатилось хлесткое эхо чьего-то дуплета. Беспорядочно залопотали далекие ружья, и на мгновение Андрею Васильевичу послышался свирепый, захлебывающийся от атавистической злобы и охотничьего азарта лай своры. Сие означало, что на равнине они не одни, и, с учетом всех привходящих, было очень даже недурственно.

– И то правда. – Асташов спрятал фляжку обратно за пазуху и рывком застегнул свою щегольскую куртку, цвет которой, не будь загонщиков и флажков, сам по себе мог распугать зверье на пять верст в округе. На одутловатой физиономии без пяти минут замминистра при этом промелькнуло выражение детской обиды. – Я, собственно, и сам не любитель, просто не знал, как завязать разговор... Не скажете, что там слышно по делу Томилина?

Вопрос был не просто предсказуемый, а неизбежный.

– Да какое там дело, – как скользкую устрицу, сглотив снисходительную улыбку, небрежно обронил Бочкарев. – Несчастный случай со смертельным исходом. Застрелился человек во время чистки личного оружия, какое тут может быть дело?

– Да, – горестно покивал лисьей шапкой Асташов, – я слышал, так бывает... Но все-таки, как-то это все... Ну, не мальчик ведь – полковник ФСБ! Как же так?..

Генерал демонстративно пожал плечами.

– И на старуху бывает проруха. Мало ли!.. Устал человек, выпил стакан для успокоения нервов или просто задумался... Последовательность действий рутинная, осуществляется на автопилоте, без участия мозга: вынул обойму, передернул затвор, чтобы выбросить патрон из ствола, спустил курок... Отвлекся на долю секунды и пропустил эту надоевшую мелочь – передернуть затвор. Спустил курок, а ему вместо щелчка – бах!.. Под нижнюю челюсть, через мягкое нёбо и – в мозг... Просто не повезло. Кстати, извините за любопытство, а почему это вас так интересует?

– Ну как же? – развел руками Асташов. Его замешательство было секундным и почти незаметным даже для наметанного глаза генерала ФСБ Бочкарева. – Все-таки мы вместе учились два года, за одной партией... Только-только возобновили знакомство, и – на тебе... А вы разве не знали?

– Как не знать, – не удержался от правдивого ответа генерал.

Асташов едва заметно вздрогнул, доставив Андрею Васильевичу мимолетное удовольствие.

– Правда? Это он вам рассказал?

– Зачем же? Я ведь не в собесе служу, – позволив себе легкую снисходительную усмешку, напомнил генерал. – Знать подноготную подчиненных – моя наипервейшая обязанность. Не то, знаете ли, сожрут, даже оглянуться не успеешь... Знаете, Игорь Геннадьевич, шли бы вы уже на свой номер. Правда-правда! Зверь пойдет с минуты на минуту, а на вашем месте вместо ствола – дырка. Уйдет серый – Митрич не посмотрит, что вы без пяти минут замминистра. Он мужик резкий, на руку скорый...

– Этот егерь?!

– То-то, что егерь. Потом-то, если захотите, вы с ним счета сведете. Но каково будет явиться на представление к президенту и премьеру с подбитым глазом? Засмеют ведь! Да и не по чину это вам – с егерями половыми членами меряться. Тем более, что если из-за вас зверя упустим, Митрич будет целиком в своем праве. Да и не он один. Вон там, по правую руку

от вас, видите? Это генерал Майков, вы его знаете. Охотник неумелый, но заядлый и очень азартный. В сердцах, знаете ли, может и приклад об голову обломать. Потом, конечно, станет извиняться, но кому от этого легче?

– М-да, – промямлил слегка потерявшийся Асташов. – Не думал, что все так сложно...

– На самом деле все достаточно просто, – утешил его генерал. – Надо всего лишь соблюдать правила игры. В Кремле они одни, в правительстве – другие, на охоте – третьи... Хотите совет? Вернее, целых два совета. Первый: ступайте на номер, зарядите оружие и ждите зверя. И второй: забудьте вы, наконец, о Томилине! Он умер, похоронен с воинскими почестями, и на этом все, точка!

– Наверное, это правильный подход, – немного помедлив, согласился Асташов.

– Единственно правильный, – подтвердил генерал.

Неумело переступая тяжелыми от налипшего снега лыжами, чиновник развернулся и, волоча ноги, заковылял на отведенное Митричем место. Генерал проводил его пустым, ничего не выражающим взглядом и стал терпеливо ждать. Время от времени он поглядывал направо, проверяя, как там его собеседник, но минуты шли, а на соседнем номере ничего не менялось. Каким-то упрятым в самой глубине мозга, неизвестным науке органом почти физически ощущая, как приближается поднятая загонщиками с дневной лежки стая, Андрей Васильевич заставил себя забыть об Асташове на целую минуту. Когда по истечении этого срока он снова посмотрел направо, вместо нелепой фигуры в неуместно ярком шведском пуховике с избыточно мощной винтовкой наперевес, его взгляду предстало только неопределенных очертаний желтое пятно на фоне сероватой снежной равнины.

Тогда генерал Бочкарев привычным движением вогнал носки унтов в крепления лыж, поправил на плече ремень двустволки и, оставив палки сиротливо торчать в подтаявшем сугробе, ловко и быстро, как невиданный полярный паук, заскользил по тонкой, уже основательно подтаявшей пороше туда, где минуту назад видел будущего заместителя министра.

* * *

Волки, матерый самец, взрослая самка и три головы молодняка, вихляющим собачьим галопом проскакав по обозначенному красными флажками коридору, беспрепятственно скрылись в полях. Генерал милиции Майков, инстинктивно схватившись за карабин, сделал в ту сторону незаконченное движение всем телом, но вовремя спохватился, встал ровно и, опустив голову, медленным ритуальным движением стащил с нее шапку. Остальные уже стояли с непокрытыми головами – все, за исключением Игоря Геннадьевича Асташова, который лежал, прижавшись щекой к порозовевшему насту и выставив на всеобщее обозрение простреленный висок. Его дорогая винтовка валялась в метре от тела, в дуло набился снег; правая лыжа сорвалась с ноги и отъехала в сторону, а левая воткнулась носком в снег и торчала кверху под острым углом. Ботинок застрял в креплении, и покойник лежал в нелепой позе, задрав одну ногу, как будто исполняя какой-то дурацкий акробатический этюд из репертуара вышедшего на пенсию циркового тюленя.

– Вот те на, – сказал кто-то. – Называется, поохотились.

– Глянул бы, Левон Георгиевич, – произнес другой голос. – Ты же у нас светило медицины!

– Да чего тут смотреть, все и так видно, – вздохнуло светило и все же, нахлобучив шапку на мерзнущую плешь и нацепив на крупный, украшенный характерной горбинкой нос очки в модной оправе, опустилось перед убитым на корточки.

Левон Георгиевич Саркисян был доктором медицинских наук и возглавлял кафедру судебной медицины в институте, название которого известно едва ли десятой части коренных москвичей, не говоря уже о гостях столицы и гражданах, которых угораздило родиться и

остаться на постоянное жительство за пределами МКАД. Его заслуги перед медициной вообще и судебной медициной в частности были неоценимы, и при этом он, как и подавляющее большинство его земляков, оставался законченным пижонем. Генералу Бочкареву, например, было доподлинно известно, что этот стареющий клоун просто обожает привлекать к себе внимание нижних милицейских чинов своей вызывающе нерусской внешностью и не менее вызывающим, хотя и не выходящим за рамки законности и приличий, поведением. А потом, когда ухвативший его за воротник толстобрюхий тупой унтер уже предвкушает удовольствие от предстоящей процедуры морального и физического унижения зарвавшегося кавказца и подсчитывает в уме выручку от этой нехитрой операции, сунуть ему прямо в заплывшие салом гляделки удостоверение, дающее Л. Г. Саркисяну полное законное право не только проживать в городе-герое Москве, но и носить китель с погонями генерал-майора МВД... Немая сцена. Занавес.

Ну, и кто он после этого, если не пижон?

Осторожно подсунув ладонь в толстой овчинной перчатке под голову Асташова, Саркисян приподнял ее и осмотрел со всех сторон. Генерал Майков тяжело опустил на корточках рядом, присмотрелся и авторитетно заявил:

– Пулевое. На глаз – семь и шестьдесят две.

Андрей Васильевич промолчал, хотя по уму промолчать следовало бы Майкову, который, строго говоря, служил не в милиции, а в ГИБДД и больше разбирался в вопросах коррупции (в частности, в том, как обратить это позорное явление себе на пользу), чем в огнестрельных ранениях.

– Согласен, – отрывистым тоном профессионала произнес профессор Саркисян. – А выходного отверстия нет, – добавил он и, подняв голову, посмотрел на Бочкарева. – Что скажете, Андрей Васильевич?

Поскольку вопрос был обращен непосредственно к нему, отмолчаться не представлялось возможным.

– Скажу, что пуля была на излете. На дистанции прямого прицельного боя она прошла бы навывлет и при особенно крупном невезении, вполне возможно, достала бы еще кого-нибудь. Стало быть, стреляли с очень большого расстояния и, скорее всего, не в него, а в зверя или, что представляется даже более вероятным, по бутылкам.

– Шальная, – задумчиво кивая своим огромным кавказским носом, согласилось светило судебной медицины.

Из далекого далека опять донеслись раскатистые хлопки выстрелов. Генерал Бочкарев отчетливо слышал, что стреляют из гладкоствольных охотничьих ружей, но это уже не имело значения. В сторонке, за полупрозрачными голыми кустиками, тяжело, мучительно блевал депутат Государственной Думы от партии «Единая Россия» Акинфиев – тридцатипятилетний, преждевременно облысевший лохотный прохвост с замашками будущего диктатора. Шестой участник неудавшейся охоты, среднего калибра чинуша из кремлевской администрации, по фамилии Скребков, демонстративно отвернувшись и скукожившись так, словно на улице было не ноль градусов, а, по меньшей мере, минус сорок, ожесточенно дымил сигаретой. Руки у него были чуть ли не по локоть засунуты в карманы, автоматическая винтовка британского производства торчала под мышкой, как непомерно большой градусник. Вокруг, замерев в позиции для стрельбы с колена, направив стволы на все четыре стороны света, редким частоколом торчали похожие на оловянных солдатиков из подаренного в детстве и растерянного уже через неделю набора егеря и охранники. Мизансцена была выстроена на высоком профессиональном уровне, свидетели подобраны просто идеально.

– Митрич, – с кряхтением поднимаясь с корточек, многообещающим тоном произнес генерал Майков, – а ведь ты, приятель, сядешь. И надолго! Это ж, считай, террористический акт.

– От сумы да от тюрьмы... – независимо проворчал главный егерь и, первым бросив валять дурака, выпрямился и закинул за плечо старенькую тулку. Он не сплюнул Майкову под ноги, но было видно, что ему этого очень хочется. – У нас в России без стрелочника никуда, это и ежу понятно.

– Брось, Борис Михайлович, – брезгливо морщась, с акцентом, который всегда становился заметным в минуты сильного раздражения, сказал Майкову Саркисян. Осторожно опустив голову убитого обратно в снег, он поднялся с колен, излишне резкими движениями отряхивая перчатки и одежду. – Что говоришь, э? Зачем, слушай?! Ты же умный человек, сам видишь: несчастный случай! Сезон в разгаре, Подмосковье, охотников больше, чем зверя, а свинца в воздухе больше, чем охотников! Митрич не виноват, что какой-то олух пальнул в белый свет, как в копеечку, и даже не подумал, куда его пуля долететь может!

– А охоту кто организовывал – папа Римский? – уже без прежней уверенности огрызнулся Майков. – А за безопасность кто отвечает – Пушкин? Или, может быть, егерь?!

– А если тебе на голову сейчас с международной космической станции гаечный ключ уронят – тоже егерь виноват, э?! – начиная заводиться, выпятил грудь армянин. – Слушай, что за манера – хватать и не пущать? Ты генерал или городской, а?

– Может, хватит? – сдерживаясь, произнес генерал Бочкарев. – Постеснялись бы, покойник все-таки. И вообще, при всех наших регалиях решать, кто виноват, а кто нет, не нам. Что? – неожиданно резко, с металлическим подголоском спросил он, обводя собеседников профессионально цепким взглядом недобро сузившихся глаз. – Есть возражения? Может, кому-то хотелось бы тихо спустить все это на тормозах? Тогда давайте обсудим! Нет желающих? Значит, надо предоставить это дело тем, в чьей компетенции оно находится.

– Не нервничай так, дорогой, – взяв на два тона ниже, почти ласково сказал ему Саркисян. – Сам смотри: что тут спускать на тормозах? Шальная пуля – она и есть шальная пуля. На охоту идешь, ружье берешь – все равно риск, нечаянно застрелиться можно. А тут – шальная пуля... Случай редкий, но – бывает, сам знаешь. Всем неприятно, слушай, все себя не помнят, что первое на язык подвернется, то и несут... Такое несчастье, э!.. Называется, отпраздновал человек назначение!

– Да я, в общем-то, и не нервничаю, – не кривя душой, ответил генерал Бочкарев. – Просто терпеть не могу пустопорожней болтовни. Да еще и на холоде, имея на руках свежий труп. На такой случай существуют простые, всем понятные и на всех распространяющиеся правила.

– Например? – не оборачиваясь и не вынимая рук из карманов, а сигареты из зубов, неприязненным тоном осведомился кремлевский чинуша Скребков.

– Например, ничего не трогать руками, не двигать предметы, в том числе и тело, позвонить ноль-два и, никуда не отлучаясь, ждать прибытия милиции, – не менее неприязненно проинформировал его Андрей Васильевич. – А вы что, не в курсе? Ну и знатоки сидят в администрации нашего президента! При таком уровне компетентности госслужащих даже как-то странно, почему к нам до сих пор не вернулось монголо-татарское иго...

– Исключительно вашими молитвами, – не преминул ответить колкостью на колкость Скребков.

– Э-э-э, что такое, слушай?! – потерял терпение вспльчивый доктор медицинских наук. Снова присев на корточки, он рывком вынул из-за пазухи убитого обтянутую кожей никелированную флягу и резким движением протянул ее Андрею Васильевичу. – Ара, выпей, да, успокойся, я тебя на коленях прошу! Я простой доктор наук, и что я вижу? Вот труп замминистра, вот человек из Кремля, который не умеет вызывать милицию, а вот генерал ФСБ, который совсем не может держать себя в руках – прямо как мальчик, слушай! Такой горячий, даже страшно к тебе спиной повернуться!..

– У-у-э-а-гхх-кха! Кха!!! Э-э-эгррр-кххх... Плюх!.. – сказал из-за кустов депутат Госдумы Акинфиев.

– Вот именно, – согласился с ним Андрей Васильевич, безглаголиво отводя в сторону протянутую флягу.

Генерал Майков, проявляя благоразумие, которого от него никто не ожидал, отошел в сторонку, вынул из кармана мобильный телефон, набрал номер и, представившись по всей форме, потребовал выслать к месту происшествия следственную группу. Тон у него был начальственный, повелительно-раздраженный, но, поскольку он действовал абсолютно правильно, эту мелкую деталь ему можно было простить.

Теперь оставалось только ждать. Скребок, так и не вынувший рук из карманов, молча отправился в кунг – греться, пить чай, а возможно, и не только чай. Саркисян, обняв за плечи, увел туда же пьяно шатающегося и все еще рефлексивно вздрагивающего всем телом депутата Акинфиева. Генерал ГИБДД Майков, больше ни от кого не прячась, большими глотками пил виски из серебряной фляги, смеха ради выполненной в виде солдатской алюминиевой фляжки и даже обтянутой линиялым брезентовым чехлом. Сейчас, судя по выражению лица и излишне порывистым движениям, Борису Михайловичу было не до смеха.

Поскольку охота явно кончилась, Александр Васильевич Бочкарев плюнул на собственное табу, стрельнул у егеря сигарету и с наслаждением выкурил ее до самого фильтра. Затягиваясь горьким дымом ярославского табака, он наполовину машинально водил глазами из стороны в сторону, прикидывая траекторию полета шальной пули, так неожиданно оборвавшей блестящую карьеру без пяти минут замминистра Асташова. Выбросив окурок, генерал протянул руку в сторону Митрича и требовательно щелкнул пальцами. Сообразительный и немало повидавший на своем не столь уж долгом веку егерь молча снял с шеи и подал ему обшарпанный полевой бинокль в исцарапанном кожаном чехле. Поднеся бинокль к глазам, генерал долго всматривался туда, откуда, по его мнению, прилетела пуля. Он ничего не увидел, кроме подернутой дымкой поредевшего оттепельного тумана грязно-белой, чуть всхолмленной равнины, испятнанной темными островками кустарника и черно-рыжими плешами проталин.

Собственно, ничего иного он и не ожидал увидеть. Убедившись, что события развиваются именно так, как должны, Андрей Васильевич вернул угрюмому Митричу бинокль, сунул под мышку лыжные палки и скользящей развалистой побужкой бывалого лесовика заскользил на подбитых мехом широких лыжах в сторону призывно дымящего трубой, разрисованного камуфляжными кляксами грузовика.

Глава 2

Все это началось осенью, в теплом, синем с золотом и медью октябре, когда при малейшем порыве ветра листья сыплются косым шелестящим дождем, а над проезжей частью вывешивают плакаты: «Осторожно, листопад!»

То есть, пардон, маленькая поправочка: такие плакаты вывешивали раньше, их можно было увидеть еще при Горбачеве, но с тех пор утекло много воды, и эти наивные предупреждения сменили кричащие рекламные растяжки. Да и палой листвы стало не в пример меньше: листьям свойственно произрастать на деревьях и с них же падать, а на небоскребах Москва-Сити, бронзовых истуканах работы Зураба Церетели и, тем более, новых транспортных развязках листья не растут.

Но данное лирическое отступление к делу никоим образом не относится. Дело же как таковое заварилось в первой декаде октября, когда трудолюбивый, способный, подающий большие надежды, сделавший в свои годы недурную карьеру, но, увы, упершийся в непрошибаемый железобетонный потолок чиновник министерства транспорта Игорь Асташов совершенно случайно (как ему показалось в тот момент) столкнулся в суши-баре со своим бывшим одноклассником и товарищем юношеских проказ Александром Томилиным.

В золотые школьные годы никаких нежностей и взаимных реверансов они не признавали. Томилин, чтоб ему пусто было, напомнил об этом, незаметно подкравшись сзади и с энергией и силой, достойными лучшего применения, хлопнув Игоря Геннадьевича ладонью по спине, в результате чего тот заплелал полупережеванной смесью риса, морской капусты и семги весь стол. К счастью, в тот вечер он ужинал в одиночестве, и все обошлось тихо, без инцидентов – если, конечно, не считать инцидентом столь неожиданное и экстравагантное появление школьного приятеля.

Главного специалиста одного из ведущих управлений министерства транспорта Игоря Асташова уже давненько не приветствовали подобным образом. Естественно, первым его побуждением было позвать милицию и упечь хулигана, куда Макар телят не гонял, годика, эдак, на два, если не на все три. Даже когда выяснилось, что «хулиган» суть не кто иной, как Сашка Томилин, полных два года просидевший с ним за одной партией, научивший его курить, впервые угостивший портвейном и познакомивший с самой первой в его жизни девчонкой, которая была не против, Игорь Геннадьевич Асташов не сразу отказался от своего намерения: неожиданное, мягко говоря, панибратство Томила с непривычки его напугало, а он относился к тому типу людей, которые не прощают окружающим своего испуга и, испытав это неприятное чувство, автоматически впадают в агрессию.

«Козел ты драный! А вот я сейчас милицию позову!» – следуя своей натуре, пригрозил Игорь Геннадьевич. «А валяй! – великодушно разрешил Томилин, тыча ему в физиономию открытое удостоверение, из которого явствовало, что он добился в жизни определенного успеха, дослужившись аж до полковника ФСБ. – Валяй, зови! Давай, в самом деле, поглядим, кого они заберут».

Понятное дело, такое развитие беседы было бы невозможно, не успеет Игорь Геннадьевич до этого принять вовнутрь граммов триста подогретого в полном соответствии с восточной традицией саке. Томилин, надо понимать, тоже встретил вечер пятницы не всухомятку, так что частично утраченное за годы разлуки взаимопонимание восстановилось быстро. Этому весьма способствовало то немаловажное обстоятельство, что при всем своем чиновном высокомерии и пробуждающейся в состоянии легкого подпития агрессивности Игорь Геннадьевич Асташов был трусоват, и предъявленное в развернутом виде удостоверение полковника ФСБ произвело на него именно то впечатление, на которое рассчитывал собеседник.

Впрочем, пусть бросит камень, кто без греха. Наверное, в России есть люди, которых не отвергает в ступор лицемерие упомянутого документа; возможно также, что довольно большой процент этих людей не имеет чести служить в поименованной силовой структуре и не боится спецслужб просто потому, что уродился недоумком и вообще ничего на свете не боится. Но Россия, как известно, велика, народу в ней проживает много, и в пересчете на душу населения процент отморожков, не страшущихся ни бога, ни черта, ни ФСБ, выражается десятичной дробью с несколькими нулями после запятой.

Игорь Геннадьевич Асташов к этому убогому меньшинству никогда не относился, вид удостоверения мигром привел его в чувство, и беседа очень быстро приняла характер, свойственный всем без исключения беседам встретившихся после многолетней разлуки однокашников: а помнишь, как мы?.. А Людка Иванова где, не знаешь? Как не знаешь, ты же по ней сох! Ну, а сам-то как?

Тут выяснилось, что обоим, увы, нечем похвастаться. (Это было в третьем по счету баре, в полвторого ночи, когда Игорь Геннадьевич уже не вязал лыка, а Томилин периодически ронял на грудь рано облысевшую голову. За прошедшие годы он стал каким-то лощеным, гладким и одновременно облезлым, отчего-то – не иначе как под воздействием выпитого – напомнив Асташову тухлую селедку в яркой фирменной упаковке. Он не растолстел, как Игорь Геннадьевич, а просто окреп, заматерел, раздавшись в плечах и поясице; дорогой костюм сидел на нем, как влитой, и чувствовалось, что заполнен он не дряблым жирком, а крепкой, литой мускулатурой. Время не пощадило некогда пышную шевелюру, и Томилин стригся по-спортивному коротко, практически под ноль. Лицо у него было твердое, в меру мужественное и гладко выбритое, зубы – ровные и белые, и пахло от него дорогим французским парфюмом. Вот только взгляд сделался каким-то пустым, как у зомби из фильма ужасов, а манера разговора – уклончиво-вкрадчивой, скользкой. Из-за этого Асташов, вдыхая исходящий от приятеля тонкий парфюмерный аромат, все время вспоминал анекдот про мужика, который, навалив ненароком полные штаны, пытался скрыть это от окружающих, поливаясь одеколоном «Лесной». «Чем пахнет?» – «Дерьмом». – «А теперь чем – лесом?» – «Ага. И под елкой кто-то нагадил»...)

Так вот, в третьем по счету баре под гром и лязганье низвергавшейся из репродукторов музыки приятели выяснили, что жизнь у обоих не задалась. В самом деле, разве это жизнь? Вот взять, к примеру, Сашку Томилина. Коренной москвич из хорошей семьи, с высшим образованием – то есть, старт у человека изначально был неплохой, и до какого-то времени все шло как по маслу: учеба, непыльная работа, продвижение по службе, благосклонность начальства, ответственные поручения, очередные звания... А потом – все, тупик. В сорок лет полковник ФСБ – недурно, казалось бы, но что дальше? Если вспомнить, что в полковниках он ходит уже четвертый год, а генералы не торопятся уходить на покой, да к тому же имеют собственных сыновей, которым тоже хочется в генералы, перспективы рисуются не шибко радужные. Детей нет, жена ушла, хлопнув дверью и напоследок обозвав его упырем (Асташов склонялся к тому, чтобы разделить ее мнение, но еще не настолько утратил самоконтроль, чтобы ляпнуть это вслух), и что прикажете делать в этой ситуации? Уйти из конторы и наняться охранником к какому-нибудь толстосуму? Так на этом рынке продавцов в сотни раз больше, чем покупателей, да и вообще, карьера холуя при денежном мешке – не совсем то, о чем Томилин мечтал в юности. В общем, тоска, безнадега, вечная скамейка запасных...

У Асташова в личной жизни и на профессиональном поприще наблюдалась практически аналогичная картина. Как и Томилин, он родился и вырос в столице, получил хорошее образование, нашел престижную, отменно оплачиваемую работу и к сорока годам достиг того, что, судя по всему, являлось пиком его карьерного роста. Дальше пути не было, а возвращаться к исходной точке и начинать все с нуля где-то в другом месте не хотелось. Да и какой в этом смысл? Время ушло, молодость кончилась, и за тот коротенький остаток, что еще имеется в твоём распоряжении, ты вряд ли успеешь добиться даже того, что у тебя есть здесь и сейчас.

Жены нет и не было: дочерей больших начальников и олигархов все время выхватывают прямо из-под носа какие-то альфонсы, а позволить присосаться к себе длинноногой пиявке, явившейся из провинции охотиться на мужиков – слуга покорный, ищите дурака в другом месте!

Все руководящие посты прочно засижены чьими-то протеже, все вакансии распределены на годы вперед, и никто не торопится внести тебя в список счастливых, которым эти вакансии предназначены. Когда скинули Лужкова, появился проблеск надежды: такие катаклизмы, губя одних, открывают дорогу другим, и каждый новый начальник набирает свою, новую команду. Но не тут-то было! В новой команде места для Игоря Асташова тоже не нашлось, а когда он попытался поговорить на эту тему со своим непосредственным начальником, тот ему прямо сказал: сиди и не рыпайся, и благодари бога, что тебя вместе с другими не сковырнули. Новая метла метет чисто, так что – ша, приятель!

Да пусть бы она хоть мела, эта новая метла! А то ведь, как обычно – мусор по углам разметаёт, вот и все новшества. Шума и звона много, а в общем и целом все остается так же, как при Лужке, только денежные потоки изменили направление, устремившись в другие карманы...

Вспомнив смещенного мэра, они хором, очень душевно, хотя и нестройно, исполнили первый куплет старой казацкой песни: «Ой, при лужке, при лужке, при широком поле, при знакомом табуне конь гулял на воле!» Второго куплета никто из них не знал, и они начали сначала. Потом между ними случился спор. Томилин утверждал, что надо петь не: «Ой, при лужке, при лужке», а: «Ой, при лужке, при луне», потому что «при луне» лучше рифмуется с «табуне», а значит, в оригинале именно так и есть. «При какой еще луне? – не соглашался с ним Асташов. – При чем тут какая-то Луна?! Он что, в скафандре там пасса?»

Потом их вежливо, но твердо попросили покинуть заведение. Томилин заткнул охраннику пасть своим удостоверением, а потом, оскорбившись, заявил, что ни на одну лишнюю минуту не останется в шалмане, персонал которого не ценит народное искусство и не понимает его, Шурика Томилина, душевных порывов. «В душу мне наплевали, козлы!» – сообщил он охраннику и бармену, после чего предложил продолжить беседу в каком-нибудь другом месте.

Этим другим местом почему-то оказалась квартира Асташова. Игорь Геннадьевич, хоть убей, не помнил, как очутился дома, но это было, пожалуй, к лучшему: судя по взятому темпу, в противном случае проснуться они оба могли в отделении милиции, а то и на том свете.

Методично уничтожая содержимое бара, они возобновили прерванный разговор. По ходу дела как-то невзначай выяснилось, что они работают, можно сказать, по одному ведомству: Асташов по долгу службы ведал авиаперевозками, а Томилин, оказывается, трудился в отделе, занимающемся безопасностью этих самых перевозок и борющемся с терроризмом на воздушном транспорте.

Нашупав общую тему, приятели обсудили ее с жаром, основательно подогретым взрывоопасной смесью коньяка, виски и абсента. В ходе обсуждения они пришли к единому выводу: никакой системы безопасности на воздушном транспорте попросту не существует, все давно разворовано, растрчено и работает только на бумаге. Кинологические службы аэропортов загнулись от бескормицы в прямом, изначальном смысле этого слова: кинологам нечем кормить собак и нечего есть самим, поскольку выделяемые на них средства целиком оседают на чьих-то банковских счетах. Закупленное для отвода глаз дорогостоящее импортное оборудование, способное дистанционно выявлять спрятанные в багаже и под одеждой взрывчатые вещества, валяется без дела, потому что менты, охраняющие аэропорты, по сути являются просто ряжеными клоунами. Все они давно выведены за штат и не имеют права носить оружие, производить досмотр и даже – вот умора! – проверять у граждан документы. Любой дурак может протащить в терминал столько взрывчатки, сколько способен поднять, и никто его не остановит. Все всё знают, и всем на всё наплевать с высокого дерева – лишь бы денежки капали, а после нас хоть потоп... Какая уж тут безопасность!

– Они дождутся, – нацеливаясь горлышком бутылки в стакан, заплетающимся языком предрек Асташов. – Ох, дождутся! Придет какой-нибудь шахид и ка-а-ак жажнет!.. Вот тогда они забегают, да поздно будет!

– Это факт, – согласился Томилин. Вытянув указательный палец, он остановил слепо плавающее в воздухе горлышко, направил его в свой стакан и придержал, чем спас порцию виски, которая без его вмешательства вылилась бы на стол. – Голов тогда полетит – ой-ей-ей!.. Кстати, и вакансий откроется немало, – добавил он уже другим, неожиданно трезвым голосом.

– Вакансий? – переспросил Асташов, которому данный аспект проблемы до сих пор как-то не приходил в голову. – Да, пожалуй. – Приободрившись было, он тут же сник. – Ну и что? Свято место пусто не бывает, и вакансии эти не про нас писаны.

– Скорее всего, да. – Томилин ненадолго задумался, микроскопическими глоточками потягивая виски. – Но это, Игореша, только в том случае, если пустить дело на самотек и предоставить событиям идти своим чередом.

– Не понял, – с пьяной строгостью объявил Асташов.

В словах приятеля чудился какой-то скрытый и притом немаловажный смысл. Игорь Геннадьевич изо всех сил старался сосредоточиться и увидеть то, что, казалось бы, лежало прямо на поверхности, но каким-то образом ускользало от его расфокусированного, затуманенного алкоголем взгляда.

– Думай, Ига, думай, шевели извилинами! – подлил масла в огонь Томилин. – Это ведь ты, а не я, у нас в отличниках ходил! Голова у тебя всегда была, как дом правительства. Ни за что не поверю, что у тебя, как у других чинуш, мозги жиром заросли!

– Да что умного придумаешь, когда столько выжрал? – попытался оправдаться Игорь Геннадьевич. – Чепуха какая-то в голову лезет, и больше ничего...

– Чепуха ли? Алкоголь – он ведь растормаживает, выпускает наружу то, что трезвый человек прячет подальше, закапывает поглубже – иногда так глубоко, что и сам не знает, какие сокровища у него там зарыты.

– Угу, сокровища... – Асташов пьяно хихикнул. – То-то же я смотрю, что у нас все бары, винные магазины и вытрезвители битком набиты гениями – гигантами мысли и корифеями духа...

– Не спорю, по большей части прятать приходится всякое дерьмо, – согласился Томилин. – Но и жемчужины в этом навозе тоже иногда попадают. Ты никогда не задумывался, сколько талантливых поэтов, писателей, художников, сколько удачливых авантюристов и первооткрывателей просиживает штаны и помирает со скуки, перекладывая с места на место никому не нужные бумажки в офисах?

– Да ты поэт, – иронически заметил Асташов.

– Представь себе, – не принял шутку Томилин. – Поэт, бард, менестрель, путешественник, кладоискатель, авантюрист и дуэлянт. Это в душе, а еще – когда лишнего выпью. А днем, на трезвую голову, кабинетная крыса – такая же, как и ты. Мы с тобой, Ига, вечные полковники. Про заговор полковников слышал? Думаешь, это от хорошей жизни? Сил, ума, энергии, воли к победе – вагон, а применения всему этому нет и не предвидится, старичье замшелое, лихоимцы морщинистые хода не дают. Вот так и замышляются государственные перевороты...

– Это что – призыв к революции? – фыркнул Игорь Геннадьевич.

– Типа того. К такому ма-а-аленькому, сугубо локальному дворцовому перевороту. А что? Все признаки революционной ситуации налицо: верхи уже ни черта не могут и не хотят, а низы хотят и могут, но им не дают...

– Не понимаю, что ты предлагаешь, – сказал Астангов.

– Подумать, – вернул его в исходную точку Томилин. – Просто включи воображение. Ты ведь знаешь: если что-то может произойти, рано или поздно оно происходит. Ведь простая же задачка, курс арифметики для начальных классов! С одной стороны, всемирный разгул ислам-

ского терроризма, с другой – никем не охраняемые аэропорты, в которых вечно полным-полно народа. Это же просто чудо, что там до сих пор никто ничего не взорвал! Наверное, этим бородастым ишакам просто в голову не приходит, что такие объекты массового скопления людей, как аэропорты, могут быть настолько уязвимыми, фактически беззащитными. Но любое везение когда-нибудь кончается. Однажды, как ты выразился, в терминал какого-нибудь Шереметьево войдет лицо кавказской национальности с тяжелой сумкой или чемоданом на колесиках и, как ты выразился, жажнет. И ты, Ига, не извлечешь из этого печального происшествия никакой пользы. Если, конечно, не будешь к нему заранее готов.

– В каком смысле – готов? Какую пользу можно извлечь из того, что какой-то осел взорвет в аэропорту чемодан с тротилом?

– Ну, главари террористических группировок ее как-то извлекают, – напомнил Томилин. – А мы с тобой чем хуже? Глупее них, что ли? Думать надо, Игорь Геннадьевич! Возьми, к примеру, электричество. Гроза всегда была и до сих пор остается источником смертельной опасности, пожаров, разрушений и убытков – в точности, как международный терроризм. Но мы приручили электричество и теперь не мыслим себе без него нормальной жизни. При неосторожном обращении упрятанные в розетке двести двадцать вольт по-прежнему могут убить и продолжают убивать всяких ротозеев, но, согласись, пользы от них гораздо больше, чем вреда!

– Ни черта не понимаю, – беспомощно признался Асташов и залпом выпил почти полстакана виски для прочистки мозгов. – Электричество приплел... Какой двигатель может работать на исламском терроризме?

– Двигатель карьерного роста, – не задумываясь, ответил Томилин. – Кто потворствует терроризму, хотя бы даже бездействием, тот, несомненно, никудышный работник и не очень хороший человек. А тот, кто, не щадя себя, с терроризмом борется – тот, понятное дело, красавец, с какой стороны на него ни глянь. Так, по крайней мере, говорят по телевизору. В реальной жизни все чуточку сложнее, и, чтобы твой вклад в дело борьбы с международным терроризмом оценили по достоинству, о нем должна знать общественность – по возможности, широкая, но узкая для начала тоже сойдет.

– То есть? – подался вперед Игорь Геннадьевич. Он неожиданно почувствовал, что почти трезв и испытывает все возрастающий интерес к разговору, который, кажется, начал становиться конструктивным.

– Н-ну, допустим, так... – Томилин на минуту задумался, теребя двумя пальцами нижнюю губу. – Допустим, так, – повторил он уже более уверенным тоном. – Предположим, на ближайшей коллегии своего министерства ты попросишь слова... Это возможно?

– Вполне. Только зачем?

– Попросишь слова и произнесешь пламенную речь.

– О чем?

– О том, о чем мы с тобой уже битый час толкуем: о состоянии системы безопасности аэропортов и возникающей в связи с этим реальной угрозе жизни и здоровью людей. О разваленной кинологической службе, о фактическом отсутствии контроля в пассажирских терминалах, о безоружных ментах, бездействующем оборудовании и разворованных деньгах... Нет, – перебил он себя, – о деньгах, пожалуй, не стоит. А то порвут на конфетти прямо в зале заседаний. Накинутся всем президиумом и раздерут в клочья.

– И так раздерут, – пожал плечами Асташов. – Ты же знаешь, критиковать у нас можно и должно исключительно сверху вниз, но ни в коем случае не наоборот. Затопчут, с дерьмом смешают и спустят в канализацию! После такого выступления я на своем месте и дня не поработаю. Да что там дня – часа!

– Да куда ж ты денешься, – возразил Томилин. – На ваших коллегиях, как я понимаю, присутствуют люди с самого верха – смотрят, слушают, держат большое начальство в курсе. Так?

– Ну, допустим.

– Вот. Значит, за критику, тем более конструктивную, тебя с работы выгнать не посмеют.

– Но и житья не дадут, – добавил Асташов, подливая себе виски. – Через месяц взвою и сам уезду.

– Придется потерпеть, – равнодушно ответил Томилин. – Зато, когда все произойдет именно так, как ты предсказывал, когда эти разъявшиеся на казенных хлебах взяточники начнут пробками вылетать из своих кресел, там, – он уставил указательный палец в потолок, – обязательно вспомнят о тебе. Где, скажут, этот дальновидный и бескомпромиссный господин... как бишь его... Асташов, кажется? Ну, помните, тот, на коллегии... И все, ты на коне!

– Чуть ли не какая-то, – отмахнулся Игорь Геннадьевич. – Это все равно что прыгать через канаву с завязанными глазами и надеяться, что благополучно ее перелетишь. А если нет? Если взрыва не будет, или он случится через два года? От меня к тому времени ничего не останется, а тому, что уцелеет, уже ничего не будет нужно – ни взрывов, ни продвижения по службе, ни даже электричества.

– Все в наших руках, – заявил Томилин, глядя на него поверх стакана. – Если поставить перед собой ясную цель и упорно к ней стремиться, все будет так, как ты захочешь. И даже шахид взорвет себя в аэропорту в тот день и час, который ты назовешь – хоть через неделю после твоего исторического выступления на коллегии, хоть на следующий день, хоть прямо во время нее.

– Что? – ахнул Игорь Геннадьевич, поняв, наконец, к чему клонит собеседник. – С ума сошел? Ты что мне предлагаешь?!

– Заговор полковников, – хладнокровно ответил Томилин. – Ну, что ты вскинулся, чего испугался, дурашка? Я просто пошутил.

– Ну и шуточки у тебя, – пробормотал Асташов, с опаской косясь на окно, за которым, учитывая то обстоятельство, что квартира располагалась на пятнадцатом этаже, вряд ли кто-то мог быть.

– В каждой шутке есть доля правды, – немного печально сказал Томилин. – Ты же понимаешь, что при существующем положении вещей теракт в одном из московских аэропортов – дело времени. Он все равно произойдет, люди все равно погибнут...

– Но я хотя бы не буду иметь к этому отношения!

– Не будешь. Но и выгоды не получишь. А выгода может быть очень существенной! А люди... Ты их знаешь, этих людей? Они тебе хоть чуточку интересны? Ну, скажи, только честно: интересны?

– Нет, – подумав, честно, как его и просили, ответил Асташов. – Но...

– И никаких «но». Тебя никто ни в чем не заподозрит, да ты и не будешь ни в чем замешан. То есть не был бы замешан, если бы мое предложение не было просто шуткой, и ты бы его принял. В этом случае от тебя требовалось бы только немного рискнуть, выступив на коллегии. Ну, и еще немножко денег на накладные расходы. А остальное – не твоя забота, никто не собирается заставлять тебя привозить в аэропорт бомбу. То есть не собирался бы, если бы мы говорили всерьез.

– Бы, – произнес Асташов, словно пробуя это короткое словечко на вкус. – Хорошая частица – «бы»! Шутка, говоришь? Ну-ну. Давай, шути дальше. Объясни, например, каких прибытков ожидал бы от этого дела ты сам, если бы взялся за него всерьез.

– Да тех же, что и ты! После такого теракта головы и погоны полетят не только у вас, но и в нашем управлении. Откроются вакансии, и занять ту, которая приглянется, – дело техники. Если честно, страсть как хочется побыть генералом! Ну, и получить от тебя немного мелочишки на молочишко тоже не помешало бы...

– Ишь, раскатал губу!

– А что? Ты-то, считай, ничем не рискуешь, вся грязная работа достается мне. То есть, пардон, досталась бы, если бы... Зато и выигрыш велик! Раскрыть такое дело, распутать паутину террористического заговора – это же о-го-го!.. Да меня после этого не то что генералом – маршалом сделают!

– И назначат пожизненным почетным директором ФСБ, – насмешливо кривя рот, подсказал Асташов.

– Вот именно, – сказал Томилин и широко зевнул. – Черт, засиделись мы с тобой, пора и на боковую. Надо такси вызвать, что ли...

– Ночуй тут, – разрешил Игорь Геннадьевич и, подумав, добавил: – Шутник.

Когда и как ушел Томилин, он не заметил. После ночного разговора осталась сухость во рту, головная боль и неприятное ощущение какой-то раздвоенности и недоговоренности. Ясно, Сашка, совсем как в школьные времена, нес разнузданную ересь, которая может прийти в голову только под воздействием алкогольных паров. Принимать его слова всерьез не следовало ни в коем случае, и тем более не стоило забивать себе голову, снова и снова их обдумывая.

Конечно, Асташову, как и любому жителю России, случалось по мелочи нарушать закон – переходить улицу на красный свет, превышать скорость и брать взятки. Последнее он никогда не считал преступлением, хотя за это могли посадить в тюрьму. Хотите покончить с коррупцией – постройте коммунизм и отмените деньги, да не просто отмените, а так, чтобы всем всего хватало с лихвой, и не было нужды в какой-то другой системе распределения – например, карточной. А пока есть деньги, пока одним людям чего-то не хватает, а другие могут им это дать, взяточничество будет существовать, и ничего вы с этим не сделаете. В советские времена крупных коррупционеров расстреливали, и что это дало? Да ровным счетом ничего! Брать на лапу – это законное право любого чиновника, и не об этом сейчас речь.

Речь идет о взрыве в аэропорту – фактически, о массовом убийстве мирных граждан. Да хоть бы и не массовом, все равно: к тому, чтобы обгадить свои руки кровью, Игорь Геннадьевич был не готов. И хорошо, что это была просто шутка! Дурацкая, мрачная, неудавшаяся, но – шутка, и не более того...

Он принял душ, выпил кофе и занялся привычными повседневными делами, стараясь не обращать внимания на мысль, которая упорно, как в запертую дверь, стучалась в сознание: а жалко все-таки, что это была всего-навсего шутка. Ведь благо-то она обещала нешуточные!

Порыв ветра швырнул в оконное стекло горсть холодных капель, дождик выбил на жестяном карнизе короткую барабанную дробь. По небу с приличной скоростью слоями, поэтажно ползли тяжелые темные тучи. Верхний эшелон облаков был сплошным, непроницаемо-серым, и на его фоне куда-то на юго-восток уносились, клубясь и ежесекундно меняя очертания, рваные грязно-фиолетовые клочья. Настоящий дождь пролился где-то далеко, на другом конце Москвы, а может быть, и за ее пределами, а здесь с неба лишь периодически брызгало холодной водой, как из неисправного душа.

Юрий Якушев сидел за столом у окна, курил и, щуря от дыма левый глаз, орудовал отверткой, пытаясь вправить мозги закапризничавшей дверной защелке. Механизм был архаичный, наверняка помнивший Брежнева, а возможно, еще и Хрущева. Свой срок он сполна отработал уже много лет назад, и теперь самое место ему было на помойке. Защелку надо было просто выбросить, купив и установив взамен нее новую. Но для этого следовало, как минимум, выйти из дома, а то, что Юрий наблюдал из окна, не располагало к прогулкам. К тому же, новая защелка с блестящей золотистой ручкой в старой двери смотрелась бы странно, как платиновый зуб в щербатой волосатой пасти бомжа, и резала бы глаз, напоминая о том, что Юрий уже не первый год старательно и небезуспешно игнорировал.

А кроме того, ему просто хотелось выяснить, сумеет он справиться с поставленной задачей, или его навыков и смекалки для этого окажется недостаточно. Юрий подозревал, что справится: для человека, способного с закрытыми глазами разобрать и снова собрать любое, даже

впервые попавшее в руки стрелковое оружие, починить примитивную дверную защелку – пара пустяков.

Погасив в пепельнице коротенький окурок и поморгав слезящимся глазом, Юрий выкрутил последний винт и осторожно приподнял штампованную жестяную крышку корпуса. Действовать приходилось с оглядкой: в отличие от конструкции автомата, устройство защелки оставалось для него пускай нехитрым, но все-таки секретом. Несомненно, внутри находилась какая-то пружина, которая при неосторожном обращении могла выскочить и потеряться...

Послышался тихий щелчок, в дальнем углу комнаты что-то едва слышно звякнуло, и какая-то металлическая и пластмассовая мелочь дробно застучала по столу, разлетаясь и раскатываясь во все стороны. Происшествие оправдало самые худшие предчувствия Якушева: проклятая пружина не просто выскочила, но еще и ухитрилась расшвырять соседствовавшие с ней детали, про которые Юрий не знал ничего: ни сколько их, ни для чего они предназначены, ни в каком порядке были размещены внутри корпуса. Представлявшаяся пустяковой задачка в мгновение ока превратилась в головоломку с неизвестным количеством составных частей, определенный процент которых – например, пресловутую пружину, – еще предстояло найти. И искать предстоит, не зная, что именно ты ищешь и сколько именно неизвестных предметов должен найти...

– Елки-палки, – сказал Юрий, сгреб в кучку то, что осталось на столе, опустился на четвереньки и приступил к поискам.

Поиски заняли около получаса. Их результатом стали, помимо пружины, странной конфигурации непонятная штуковина из светло-серого алюминиевого сплава, слегка тронутый ржавчиной черный металлический шпенек, крошечная гайка и два разновеликих гвоздя – один ржавый, а другой нет.

Если гвозди явно не имели к разобранной защелке никакого отношения, а пружина, наоборот, имела, то насчет всего остального вопрос оставался открытым. Снова усаживаясь за стол и раскладывая на нем свою добычу, Юрий вспомнил описанный в каком-то романе из жизни полярников случай – вероятнее всего, выдуманный и вряд ли возможный даже теоретически, но тогда, много лет назад, показавшийся ему очень забавным. Пилот прилетевшего на какую-то полярную базу самолета перед сном решил почистить пистолет, разобрал его и зачем-то вышел, оставив оружие на столе. Кто-то из аборигенов воспользовался этим и, проникнув в комнату, подбросил к лежащим на столе деталям маленький винтик. А потом все местное население, собравшись в темноте за окном, давясь от хохота, наблюдало, как близкий к отчаянию покоритель воздушных пространств снова и снова разбирает и собирает пистолет, и каждый раз у него остается лишний винтик...

Позже, приобретя кое-какой опыт по части обращения с огнестрельным оружием, Юрий понял, что это была просто байка. Какие еще винтики! И где вы видели полярного летчика, который бы не знал устройства своего табельного пистолета? Да если бы даже и не знал, все равно надо быть фантастически, неправдоподобно тупым, чтобы не смекнуть, в чем дело, уже со второй попытки. Таких не то что в летчики – в магазин за хлебом без провожатого не пускают!

К сожалению, сейчас он сам очутился в незавидном положении героя такой байки, причем как раз таки достаточного тупого, чтобы не понимать, какие из лежащих перед ним шуток являются частью разобранного им механизма, а какие – нет.

Вытряхивая из пачки очередную сигарету, Юрий усмехнулся: чего уж там – разобранного! Не надо скромничать, товарищ боец, называйте вещи своими именами. Тут все свои, стесняться некого. Так и скажите: сломанного, это будет точнее. Сломанного при попытке починить, но это уже детали, никоим образом не влияющие на конечный результат...

Чтобы не повторять былых ошибок, Юрий сначала выкурил сигарету и погасил окурок, и только потом взялся за дело. За час упорных размышлений, экспериментов и кропотливого

труда он успел трижды собрать и снова разобрать коварный механизм, который всякий раз наотрез отказывался работать, даже так плохо, через пень-колоду, как делал это до начала ремонта.

Наконец, головоломка была решена. Откровенно говоря, Юрий не знал, удалось ли ему устранить неисправность, но изначальный, предусмотренный конструкцией порядок расположения деталей, кажется, был восстановлен. Найденная на полу гаечка в него никак не вписывалась, и оставалось только гадать, откуда она там, на полу, появилась. Порядок в квартире Юрия Якушева всегда царил воистину армейский, переизбытка мебели и вещей не наблюдалось; Юрий предположил, что принес невесомую железку с улицы на подошве – в протектор забились или просто прилипла, а здесь, наконец, отвалилась, – но проверить это предположение он не мог, да и не особенно стремился.

Сейчас у него было дело поважнее: собрать, наконец, треклятую защелку и покончить с проблемой, которую сам же и создал на свою голову. Действуя с выверенной до доли миллиметра точностью нейрохирурга или подрывника, собирающего мудреную бомбу, способную одним махом снести полгорода, мысленно потешаясь над собой, Якушев осторожно, по одной, установил на места детали, нацепил на штифт коварную пружину, привел ее в рабочее состояние и, придерживая все это добро растопыренными пальцами, чтобы опять не разлетелось по всей квартире, потянулся за крышкой.

Он уже примеривался, как бы ему установить крышку на место, не нарушив восстановленного ценной таких невероятных усилий порядка, когда со стороны прихожей послышалось пронзительное дребезжание дверного звонка. Юрий вздрогнул.

Вообще-то, жаловаться на слабые нервы ему не приходилось, но возня с капризной механической дребеденью его порядком взвинтила. К тому же он был сосредоточен, вот именно как хирург, тянущийся кончиком скальпеля к открытому сердцу пациента, и неожиданный резкий звук вызвал реакцию, которую обычно не мог вызвать даже близкий разрыв фугасного снаряда. Якушев вздрогнул, не установленная до конца крышка сместилась, чертова пружина победоносно щелкнула, и с таким трудом собранные в единое целое детали радостно рассыпались, мгновенно вернув дело его рук в состояние первобытного хаоса.

– А, чтоб тебя! – вполголоса выругался Юрий и, бросив прощальный взгляд на чепуховину, укравшую почти полтора часа его жизни, пошел открывать.

В проеме распахнутой двери взору Якушева открылось зрелище, заставившее его пожалеть о том, что он по обыкновению не посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояли два дюжих молодца, оба с ярко выраженной кавказской наружностью, и притом одетые так, как умеют одеваться кавказцы, когда хотят пустить пыль в глаза – то есть, как парочка манекенов, слинявших из витрины дорогого фирменного бутика на Арбате или, скажем, на Тверской. Они были одного роста и примерно одинакового телосложения и при почти полной идентичности гардероба немного смахивали на близнецов или даже клонов. Впрочем, разница между ними все-таки существовала: тот, что справа, держал в руках сложенный мокрый зонт, а тот, который слева, носил усы и держал в левой руке туго чем-то набитый полиэтиленовый пакет с логотипом супермаркета. От них крепко и приятно тянуло смесью ароматов дорогого одеколona и хорошего табака, и, глядя на них, Юрий невольно вспомнил и как-то особенно остро ощутил, что стоит перед ними небритый, в выцветшей ветхой тельняшке, старых тренировочных шароварах и домашних тапочках и, по всей видимости, являет собой не особо презентабельное зрелище.

Впрочем, он был у себя дома и не ждал гостей. А если бы и ждал, то уж никак не этих овечьих пастухов, разряженных в пух и прах, как дети арабского шейха.

Отношение Юрия Якушева к лицам кавказской национальности стало довольно сложным еще до того, как он в качестве рядового срочной службы отправился по стопам великого русского поэта «на погибельный Капказ воевать Шамиля». Поначалу на неоднозначную и вряд ли

заслуживающую доверия, но по капле просачивающуюся в сознание трескотню средств массовой информации наложила неразделенная юношеская любовь, классический треугольник, одной из вершин которого был молодой, красивый, остроумный и недурно обеспеченный материально джигит. Позже жизнь щедрой рукой добавила в этот невинный, в общем-то, коктейль кровь и страдания в количествах, превышающих все мыслимые пределы; не будучи ни расистом, ни шовинистом, ни воинствующим религиозным фанатиком и все прекрасно понимая, на неожиданное появление в поле зрения лиц кавказской национальности Юрий реагировал чисто рефлекторно: тело мгновенно приходило в состояние полной боевой готовности, мозг начинал со скоростью оборонного суперкомпьютера просчитывать варианты нападения и защиты, а рука сама собой искала оружие.

Такая реакция была сродни поведению несчастных тузиков и барбосов, в давние времена безвинно замученных отцом отечественной физиологии профессором Павловым. Бедные собачки в очередной раз сослужили людям добрую службу: вспомнив о них, Юрий устыдился своего инстинктивного поведения и не стал ни захлопывать дверь перед носом у гостей, ни причинять им физические увечья различных степеней тяжести.

Победа разума над рефлексом оказалась не напрасной и весьма своевременной. Приглядевшись, Юрий обнаружил за спинами двух кавказцев третьего – пониже ростом, поуже в плечах и заметно старше своих спутников, он явно был у них за главного. Юрий понял бы это с первого взгляда, даже если бы не знал, кто перед ним, уж очень невозмутимое и значительное выражение лица было у этого нерусского гражданина.

– Какие люди, – сказал Юрий и отступил на шаг от порога, давая понять, что путь свободен.

На его месте гость, блюдя законы гостеприимства, верно, рассыпался бы в многословных, приторно-сладких, как рахат-лукум, выражениях своей несказанной радости по поводу нежданного визита. Но здесь был не Дагестан, а Москва, и на своей территории Юрий предпочитал для разнообразия придерживаться своих законов и правил. «Незванный гость хуже татарина» – звучит, конечно, немного оскорбительно как для татарина, так и для гостя, но следование этому правилу спасло немало жизней, а пренебрежение им столько же, если не больше, погубило.

– Милости прошу, – с оттенком нетерпения добавил он, видя, что никто из визитеров так и не тронулся с места.

Один из «клонов» – тот, что без зонтика, но с усами и пакетом – сунулся было в прихожую. Его повадка, как и выражение смуглой усатой физиономии, живо напомнили Юрию бодигарда, проверяющего сортир, куда нацелился хозяин, на предмет обнаружения в кабинке затаившихся киллеров, взрывных устройств и прочих живых и неживых предметов, могущих представлять опасность для жизни, здоровья и репутации драгоценного босса. Старший остановил его, положив на плечо крепкую сухую ладонь, и негромко, с легким акцентом произнес:

– Свободны. Подождите внизу, в машине.

Он обратился к своим телохранителям по-русски; это была мелочь, но Юрий ее оценил.

Телохранители попятились, сверля Якушева не особенно доброжелательными взглядами, обтекли хозяина с двух сторон и двинулись к лестнице. Хозяин, не глядя, поймал усатого за рукав.

– Куда понес, э? – сказал он, отбирая у охранника пакет. – Тебе нельзя, ты немножко на работе! Давай, иди, под ногами не путайся, слушай! Здравствуй, дорогой! – обратился он к Юрию. – Здравствуй, брат!

– Заходи уже, – проворчал Якушев и, не удержавшись, коротко, печально вздохнул. – Ну, что у тебя опять стряслось?

Кавказец сверкнул на него из-под густых, чуть тронутых сединой бровей темными, как спелые вишни, глазами. Впрочем, Юрий и без этой мелодраматической пантомимы знал, что

играет с огнем. Магомед Расулов, бизнесмен, политик и глава одного из самых многочисленных и могущественных кланов не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа, был не из тех, с кем можно разговаривать подобным образом, будь ты хоть президентом Российской Федерации. Юрий Якушев был всего-навсего отставным старшиной спецназа, но на тонкости душевных переживаний господина Расулова ему было наплевать с высокого дерева. В отличие от президента, он мог себе это позволить, поскольку, кроме чувства собственного достоинства, не имел за душой ничего, чем стоило бы дорожить.

Кроме того, в отличие от президента, Юрий был одним из тех, кто не так давно спас господину Расулову жизнь.

Положа руку на сердце, он до сих пор не знал, стоила ли шкура Магомеда Расулова той цены, которую за нее заплатили. А цена была немалая: два русских десантника, два гаишника, тоже русских, с пяток бандюков той же национальности и энное количество дагестанцев – сколько именно, Юрий не знал даже приблизительно, поскольку там, в горах, было не до подсчетов. От двух десятков до сотни – где-то так. Не многовато ли за одного усача? Плюс к тому один генерал ФСБ и десятка полтора его охранников. Напоминает список жертв небольшой войны, не правда ли? И все это – из-за одного кавказца, который, как все они, постоянно себе на уме.

– Не рад? – с невеселой улыбкой не то спросил, не то констатировал Расулов, переступая порог. – Знаю, о чем ты думаешь. Видел бы ты свое лицо, когда я тебя братом назвал. Э! С таким лицом в атаку ходят, слушай! Но, хочешь или не хочешь, ты – мой брат, и с этим уже ничего не поделаешь. Знаешь, как у нас говорят: если ты участвуешь в их делах, они – твои братья.

Против собственной воли Юрий отдал должное его дипломатичности. Горцы – народ гордый, обидчивый. Всегда такими были, а в последнее время их обидчивость многократно обострилась – не дай бог напомнить кому-нибудь, что еще вчера он с шутками и прибаутками резал русским солдатам глотки перед объективом видеокамеры и торговал рабами! Обидится насмерть, обратится за помощью в Гаагский трибунал, и тот, скорее всего, вместо того чтобы шлепнуть подонка на месте, примет его сторону – а как же, права человека!..

Но Расулов не стал обижаться – может, потому, что был умен и умел не обращать внимания на блошинные укусы, а может быть, и потому, что знал: Якушев – не Гаагский трибунал и не комиссия по правам человека, и фокусы, безотказно действующие на европейцев, с ним не пройдут. Этот не станет расшаркиваться, а просто даст в морду, и хвала аллаху, если при этом его кулак не выскочит наружу через твой затылок!

– Заходи, Магомед, – повторил Юрий, делая приглашающий жест в сторону гостиной. – Ты ведь еще ни разу у меня в гостях не был, – добавил он, преодолев некоторое внутреннее сопротивление. – У меня тут скромно, не обессудь.

– О чем говоришь, брат! – заметно приободрившись, воскликнул Расулов. – У настоящего джигита, где бурка, там и дом!

Юрий почел за благо промолчать, хотя и подозревал, что Магомед Расулов не часто засыпает, укутавшись в расстеленную на голых камнях бурку.

– Возьми, дорогой, – сказал Расулов, отдавая Юрию увесистый пакет, и, обойдя его, вошел в прихожую. – Да, брат, живешь ты небогато!

– По чину, – буркнул Якушев.

Заглянув в пакет, он с легким удивлением обнаружил нахально выпирающие из-под виноградных гроздей и прочей плодоовощной и мясомолочной продукции горлышки четырех бутылок.

– Не понял, – сказал он строго, выудив из пакета одну бутылку и разглядывая осененную пятью звездочками этикетку. – Я что-то пропустил? Может быть, пока я не включал телевизор, пророк сказал что-то новое?

– Ты действительно не понял, – кротко признал Расулов. – Ты ведь не правоверный, правильно? Ну, так это просто подарок тебе.

– То есть самому пить нельзя, а других поить можно? – спросил Юрий. Ему вдруг стало весело: общаться с уважаемым Магомедом было не в пример интереснее, чем от нечего делать возиться с саморазлетающейся дверной защелкой.

– Ты бы предпочел килограмм героина? – без промедления вернул долг Расулов. – Скажи, я позволю, и через четверть часа товар будет здесь, у тебя. Хочешь?

– Иди ты в ж... , уважаемый, – вежливо отказался Якушев.

Расулов все-таки решил оскорбиться.

– У нас на Кавказе со старшими так не разговаривают, – сообщил он после непродолжительной паузы. – Тем более, если старший пришел в гости.

Юрий засунул бутылку обратно в пакет.

– Давай договоримся сразу, – предложил он, протягивая пакет Расулову. – Здесь тебе не Кавказ и даже не Черкизовский рынок. Здесь, как ты верно подметил, мой дом. А я, как ты только что сказал, не правоверный, и жить по вашим правилам не собираюсь. Я тебя в гости не звал и никакого восторга по поводу твоего визита не испытываю. Поэтому не надо сверкать на меня глазами и трясти передо мной законами шариата. Не нравится – вон бог, а вон порог. Или позови своих абреков, и давай устроим танцы.

Вместо того чтобы отобрать у Юрия пакет, швырнуть ему под ноги и гордо удалиться, хлопнув дверью, Расулов засмеялся. В незапамятные времена он служил в ВДВ, воевал в Афганистане и отзывался на кличку Душман. Поэтому, а еще потому, что уважаемый Магомед явился сюда явно неспроста, Юрий не слишком сильно рисковал, когда лез на рожон.

– Какой нервный, – сказал Расулов. – Муха, которая тебя сегодня покусала, должно быть, была ростом с лошадь. Откуда ты знаешь, сколько абреков явится на мой зов? Всех не перетанцуешь!

– Ну и что? – пожал плечами Якушев и, не утерпев, все-таки улыбнулся. – Зато душу напоследок отведу. Терять-то нечего!

– Вижу, что нечего, – откровенно озираясь по сторонам, согласился Расулов. – Надо поговорить, дорогой.

– Надо, так надо, – вздохнул Якушев. – Милости прошу.

Он помог дагестанцу снять пальто, проводил его в гостиную и пошел на кухню разбираться с пакетом, смутно подозревая, что его снова попытаются втянуть в какие-то события, но даже отдаленно не представляя, в какие именно.

Глава 3

Резкий холодный ветер гнал по серому небу обрывки грязно-фиолетовых туч, морщил воду в лужах, раскачивал голые ветки деревьев и рекламные растяжки. То и дело начинал моросить дождь. Тогда тротуары и автобусные остановки дружно прорастали грибными шляпками зонтов, и ветер радостно набрасывался на них, норовя вывернуть наизнанку, вырвать из рук и укатить куда подальше – желательно, на проезжую часть, под колеса какой-нибудь иномарки, чтобы несчастный владелец зонта не только промок и лишился своего имущества, но и поимел крупные неприятности из-за поцарапанного бампера. Было начало ноября – время года, по своей слякотной мерзости уступающее только второй половине того же месяца. Снег еще не выпал, но чувствовалось, что долго ждать себя он не заставит. Зима была не за горами, и на московских улицах стало по-настоящему неуютно.

Человек, что стоял около подземного перехода и курил, пряча сигарету от ветра в кулаке, терпеть не мог московскую погоду во всех ее проявлениях, будь то жара или тридцатиградусный мороз, проливной дождь или ведро. И дело тут было не в климате – вернее, не только в нем. Аман Муразов просто не любил Москву, тем более что широкие возможности, которые открывал перед приезжими этот город, его не касались – они были не для него, а значит, их не стоило принимать в расчет. Так младшему помощнику моториста, копающемуся в замасленных потрохах судовой машины роскошного круизного лайнера, нет никакого дела до обедаенного меню и программы развлечений пассажиров верхней палубы – он живет в другом, параллельном мире, отделенный от завсегдатаев светских мероприятий невидимой, но непреодолимой преградой.

Ежась от пронизывающего до костей ветра пополам с дождем, кавказец терпеливо ждал. Зонта у него не было, головного убора тоже; в густой шевелюре поблескивали капельки дождевой воды, ветер трепал поставленный торчком воротник куртки, которую у производителей хватило наглости назвать непромокаемой. Мимо, одарив его подозрительными взглядами, продефилировал милицейский патруль. Аман сдержал горькую улыбку: надо же, все-таки не подошли! Хотя этот самый патруль проверил у него документы буквально пять минут назад, у Муразова было предчувствие, что, если он проторчит здесь еще немного, менты не поленятся сделать это еще раз. И что с того, что регистрация у него в полном порядке? Придраться можно к чему угодно, и опять придется платить, чтобы не торчать в «обезьяннике» до следующего утра...

Он посмотрел на часы. Было без минуты два. Сделав последнюю затяжку, Аман бросил окурок в урну, подошел к краю проезжей части и, выждав еще немного, поднял правую руку, голосуя несущимся мимо автомобилям.

Один из них, вазовская «пятерка» иссиня-зеленого цвета, который почему-то называется «муреной», замигал оранжевым огоньком указателя поворота и, покинув свой ряд, затормозил перед Аманом. Муразов открыл переднюю дверь и, пригнувшись, нырнул в пахнущее табачным дымом и ванильным освежителем воздуха тепло грязноватого, прокуренного насквозь салона.

Водитель, тридцатилетний мужчина со спортивной фигурой и острым, как лезвие топора, хищным лицом, передвинул рычаг коробки передач, перебросил тумблер указателя поворота и, привычно косясь в боковое зеркало, дал газ. Пассажир не сказал, куда ехать, и водитель не стал его об этом спрашивать. Вместо этого он, глядя на дорогу, коротко, отрывисто спросил:

– Принес?

Аман Муразов тяжело вздохнул и, раздернув на груди «молнию» куртки, полез за пазуху.

– Вдыхать будешь дома, у себя в горах, – сказал ему водитель. – А московский воздух надо расходовать экономно, его из-за вас и так почти не осталось.

Он переключил скорость. Коробка передач ответила на это действие протестующим скрежетом шестеренок.

– Чертово корыто, – высказался по этому поводу водитель. – И когда у нас научатся нормальные машины делать?

Капитан ФСБ Куницын ездил на службу на трехлетней «тойоте», после которой взятая в ведомственном гараже по оперативной необходимости «пятерка» по ощущению и впрямь напоминала комбинацию ржавого корыта, кухонной табуретки и моторчика от старого рижского мопеда. Она неохотно, через силу разгонялась, еще неохотнее тормозила и скверно слушалась руля. Что она умела по-настоящему хорошо, так это ржаветь и глохнуть на каждом светофоре, и, управляя ею, Куницын мысленно проклинал своего шефа, полковника Томилина, который развел такую секретность, словно они готовились накрыть не горстку кавказцев, а шпионскую сеть ЦРУ или штаб-квартиру Аль-Каиды.

Покопавшись в недрах своей покрытой влажными пятнами куртки, Муразов извлек из пазухи несколько сложенных вдвое листов писчей бумаги и протянул их капитану.

– Покажи, – потребовал тот.

Издав очередной вздох, кавказец развернул листы и начал по одному демонстрировать их Куницыну, который искоса на них поглядывал. Листов было всего пять, и на каждом красовалась неумело нарисованная от руки схема каких-то помещений – судя по некоторым признакам, жилых. Чертежи были подписаны: «1-й этаж», «2-й этаж», «3-й этаж»; еще здесь были «подвал» и «гараж».

– Грамотей, – сказал Куницын. – А чердак где?

– Нет чердака, – собирая листы в стопку и складывая по старым сгибам, угрюмо ответил Муразов. – Там эта... как сказать...

– Мансарда, что ли? А она тогда где?

Вместо ответа кавказец снова развернул и продемонстрировал ему лист с надписью: «3-й этаж».

– Так бы и написал: мансарда, – недовольно проворчал Куницын и повторил: – Грамотей. Фотографии где?

Муразов запустил руку в правый карман и выудил оттуда маленький бумажный пакетик, свернутый из обрывка газеты. Развернув его, он показал капитану карту памяти из цифрового фотоаппарата.

– Все сфотографировал? – спросил Куницын, пряча карту памяти в нагрудный карман. Клочок газетной бумаги он оставил Муразову, и тот рассеянно сунул его обратно в карман. – Разобраться-то можно?

– Они идут по порядку, – тусклым голосом ответил кавказец. – По часовой стрелке, начиная от главной лестницы. Разберешься, уважаемый.

– А где наркотики хранятся?

– Какие наркотики? – вскинулся Муразов.

Куницын коротко, резко хохотнул.

– Спокойно, это шутка. Хотя я нипочем не поверю, что в доме так уж совсем и нет никакой дури. Вам же спиртное пить нельзя, как же вы тогда расслабляетесь?

– Чай пьем, – угрюмо и, как показалось, с ноткой сожаления произнес кавказец.

– Чай... Чаем душу не обманешь! Неужто хотя бы травкой не балуетесь?

– Хозяин запрещает, – сказал Муразов. – Говорит, потерпите до дома, а здесь наркотики – верный срок...

– Да, хозяин твой – волчара матерый, осторожный. Ну, ничего! Сколь веревочке ни виться...

– Отпусти меня, – не то потребовал, не то попросил Муразов. – Я все сделал, как ты сказал. Отпусти!

– Ну, ты загнул – втроем не разогнешь! Отпусти... Это только начало, нам с тобой еще работать и работать!

– Какое работать?! – возмущенно воскликнул кавказец. – Что говоришь, э?! Что ты хочешь – чтобы меня зарезали, как барана?

– Зарежут, если попадешься, – хладнокровно произнес капитан. – А ты не попадайся. И перестань орать, как баба. Будь мужчиной, джигит! Не забывай, что от твоего поведения многое зависит – там, на Кавказе. Если начнешь чудить, твоей семье не поздоровится.

– Зачем семью взяли? В чем они виноваты?

– Да ни в чем, – сказал Куницын. – Ни в чем, кроме того, что приходится тебе родственниками. Это ты во всем виноват, Аман, это из-за тебя они сейчас страдают. И помочь им никто не может, кроме тебя.

– Что вы за люди? Что я вам сделал? – продолжал сокрушаться Муразов.

– А то ты не знаешь, – усмехнулся капитан. – Думать надо было раньше, и убиваться тоже. А ты не убивался – ты убивал. Сначала от души погулял с Басаевым, а теперь спрашиваешь, что ты такого сделал.

– Я свое уже отсидел, – напомнил Муразов.

– Будешь зубы показывать, отсидишь еще и чужое, – пообещал Куницын. – Думаешь, это сложно организовать? Да раз плюнуть!

– Да, это за вами не задержится. Я свое отсидел, – с нажимом повторил кавказец. – Почему не хотите оставить меня в покое? Я устал, мне уже ничего не нужно, кроме покоя!

– Вот и сидел бы дома, – хладнокровно парировал несколько не впечатленный всеми этими мелодраматическими восклицаниями капитан. – Пас бы баранов, чесал поясницу... Так нет же, тебя зачем-то понесло сюда, в Москву!

– Хозяин приказал, – сообщил кавказец то, что капитан знал и без него. – Я перед ним в неоплатном долгу, нельзя было отказаться.

– Вот видишь, – сказал Куницын. – Значит, судьба такая. А на судьбу обижаться – дело пустое. Не горюй, Аман, скоро все кончится.

– Да, – вздохнул Муразов, – кончится. Его посадят, меня зарежут...

– Совсем не обязательно, – солгал Куницын. – Может быть, мы убедимся, что он чист, и просто снимем с него наблюдение. Никто ни о чем не узнает, и мы расстанемся друзьями...

– Лучше расстаться сейчас, – предпринял очередную попытку сорваться с крючка Муразов. – Он чист, клянусь аллахом! Как вы можете его в чем-то подозревать? Все его неприятности на родине из-за того, что он с самого начала призывает народ к миру!

– Кого и к чему он призывает, мы знаем, – согласился капитан. – А вдруг он говорит одно, а делает другое? Вот и помоги нам убедиться, что это не так. Поможешь?

– Хороший вопрос. – Кавказец криво усмехнулся и с силой провел ладонью по лицу. – А что будет, если я скажу «нет»?

– Сам знаешь, что будет, – ответил Куницын. – Лучше не проверяй.

– Что надо сделать? – помолчав, спросил кавказец.

– Это другой разговор, – сказал капитан. На светофоре зажегся зеленый; Куницын отпустил сцепление, машина дернулась и заглохла. – А, пропади ты пропадом! Ну, давай, заводись!

Сзади послышались раздраженные гудки клаксонов. Двигатель завелся со второй попытки, Куницын торопливо воткнул передачу.

– Сцепление не бросай, – посоветовал Муразов.

– Ты меня еще поучи!

Капитан утопил педаль газа, двигатель сердито заревел, и машина успела проскочить перекресток до того, как на светофоре опять зажегся красный свет.

– Уф, – притворно перевел дух Куницын. – Ну и драндулет! Не понимаю, как люди на таких всю жизнь ездят. Вот уж, действительно, машина для настоящих мужчин!

Он включил указатель поворота и перестроился в правый ряд, а потом, вынув из кармана, протянул Муразову круглую пластмассовую коробочку размером с пятикопеечную монету. Кавказец поддел ногтем крышку и увидел покоящуюся на поролоновой подкладке невесомую блестящую потайного микрофона.

– Опять? – удивился он. – Мало, что ли, я их по всему дому рассовал?

– Много, – согласился Куницын. – А толку-то? На кой ляд, скажи, пожалуйста, мне слушать, как твои коллеги в сортире на первом этаже газы выпускают? А один при этом еще и поет...

– Это Иса, – с невольной усмешкой сказал Муразов. – Он всегда поет.

– Угу. И аккомпанирует на трубе, которую ему аллах сзади приделал, – подхватил Куницын. – Короче, этот микрофон установишь у хозяина в кабинете.

Кавказец с сомнением покачал головой.

– Он всегда запирает кабинет, когда выходит.

– Правильно, – сказал капитан. – Именно поэтому его кабинет – единственная комната во всем доме, которая не прослушивается. И ты должен понимать, что это самая главная комната на всех трех этажах, которая нас больше всего интересует. Туда необходимо поставить микрофон, и ты это сделаешь. Как – придумаешь сам, на то и голова. Детали меня не интересуют, главное, чтобы сигнал из кабинета пошел не позднее завтрашнего утра.

– Это сложно, – по-прежнему держа на весу коробочку с микрофоном, сообщил Муразов.

– А я разве обещал, что будет просто? Жизнь вообще сложная штука, Аман. И для тебя она станет еще сложнее, если ты не перестанешь торговаться. В твоём положении не торгуются, а выполняют приказы. – Он включил указатель поворота и под его размеренные щелчки аккуратно причалил к борвке тротуара. – Все, ступай. Желаю удачи. Я тебя найду, когда понадобишься.

Кавказец спрятал коробочку в карман, поднял воротник куртки и, заранее ежась и втягивая голову в плечи, полез из машины. Попрощаться он то ли забыл, то ли не счел нужным, зато дверь хлопнул так, что машину ощутимо качнуло.

Куницын усмехнулся, сунул в зубы сигарету, прикурил и аккуратно, чтобы снова не заглушить капризный движок, тронул машину с места.

– Вот урод, – пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида на удаляющуюся фигуру кавказца.

– Чтоб ты сдох, шакал, – провожая отъехавшую «пятерку» полным ненависти взглядом, вполголоса напутствовал капитана Куницына Аман Муразов.

Рекламный щит на фасаде расположенного через дорогу здания огромными кричащими буквами зазывал всех желающих приобретать коттеджи, квартиры и какие-то «таунхаусы» в ближнем Подмосковье. Аман Муразов закурил, выкурил сигарету в четыре жадных, глубоких, на все легкие, затяжки, огляделся и, не найдя поблизости урны, бросил окурочок в лежащую у бордюра мокрую продолговатую кучку уличного смёта. Затем поймал такси – на этот раз вполне обыкновенное, без сюрпризов, – и, сказав водителю адрес, поехал в тот самый подмосковный поселок, название которого значилось на рекламном щите.

– Правоверным запрещается пить вино, – улыбаясь в усы, сообщил Магомед Расулов, – но пророк ничего не говорил о коньяке.

– А шутка-то бородатая, – заметил Юрий Якушев, входя в гостиную с уставленным снедью и бутылками подносом. – И борода у нее длиннее, чем у пророка.

– Это не шутка, – заявил Расулов, – это – лазейка.

– Бородатая лазейка, – задумчиво сказал Юрий. – Знаешь, на что это похоже?

– Фу, – подумав, сказал Расулов.

– Это тебе, правоверному, «фу», – заявил Юрий, пристраивая поднос на край стола. – Жен-то, небось, целый табун. А мне, холостому, и бородатая сошла бы.

– Н-да. – Расулов внимательно осмотрел лежащую посреди стола разобранную защелку, о которой Юрий, грешным делом, напрочь позабыл. – Это что?

– Мусор, – сказал Якушев.

В подтверждение своих слов он завернул защелку в газету, на которой она лежала, скомкал, отнес на кухню и выбросил в мусорное ведро. Когда он вернулся, Расулов, развернувшись на стуле, внимательно изучал пустое гнездо из-под пресловутой защелки, в незапамятные времена выдолбленное каким-то древлянином в торце дверного полотна при помощи молотка, тупой стамески и, как сказано в старом анекдоте, чьей-то матери.

– Так ты пить-то будешь? – спросил Юрий, чтобы отвлечь гостя от его неуместного занятия.

– Нет, – саркастически ответил уважаемый Магомед, – я буду смотреть, как пьешь ты!

– А что скажет пророк?

– Пророк уже все сказал. Пить вино – грех для правоверного. В любой религии существует довольно длинный список грехов, и надо быть действительно святым человеком, чтобы время от времени не заезжать в этот список. Не будем говорить об убийстве и даже такой приятной мелочи, как прелюбодеяние. Но что ты скажешь по поводу чревоугодия? – Он выразительно кивнул на поднос. – Этим, клянусь бородой пророка, во все времена грешил каждый, кто мог себе это позволить!

– Ясно, – сказал Юрий, переставляя содержимое подноса на стол. – Значит, действуем по принципу: «Мой грех – мой и ответ»?

– Я бы сказал иначе, – поправил его Расулов. – Семь бед – один ответ.

– Ну, это как водится, – согласился Якушев, сунул поднос на подоконник и уселся. – Так что у тебя стряслось, уважаемый? Только не говори, что явился сюда в поисках собутыльника. Может, твои земляки тебе в этом деле и не компания, но вряд ли стоило тащиться в такую даль, чтобы найти знакомого русского.

– Ну, не так уж и далеко, – не совсем понятно возразил Расулов и опять принялся почти демонстративно озираясь по сторонам.

– Что-то потерял, уважаемый? – светским тоном осведомился Якушев, откупоривая бутылку.

Расулов смотрел в правый верхний угол комнаты – туда, где порыжелые от старости обои отстали от стены, вздувшись некрасивым пузырем. С таким же успехом он мог смотреть в любую другую сторону, поскольку описанная картина в жилище Юрия наблюдалась повсеместно. Якушеву на это было наплевать, мелкие проявления неотвратимо надвигающейся разрухи давно примелькались и перестали резать глаз. Он был неприхотлив в быту и равнодушен к предметам роскоши; кровать у него была удобная, батареи грели, краны не протекали, штука-турка с потолка не падала, а облезлые половицы не скрипели и всегда были вымыты до блеска. Словом, квартира Юрия Якушева целиком и полностью соответствовала требованиям, предъявляемым солдатом к спальному помещению, будь то казарма, блиндаж, палатка или подвал разбомбленного здания. Его здесь все целиком и полностью устраивало – кроме, разве что, господина Расулова, который в своем темно-сером заграничном костюме смотрелся на фоне спартанского жилища Юрия Якушева, как новенький «ламборджини», поставленный в один ряд с ржавыми «запорожцами» и «москвичами».

– Живешь, как воин, – поставил диагноз дагестанец. – Вернее, как русский солдат.

– А я и есть русский солдат, – напомнил Юрий, аккуратно разливая коньяк. – Кстати, я что-то не пойму, в чем разница между воином и русским солдатом. Мне всегда казалось, что это одно и то же.

– Не совсем, – возразил Расулов. – То есть русский солдат – это, конечно, воин. И, как правило, очень хороший. Но хороший воин в мирное время живет, как шейх, в роскоши и

довольстве. А русский солдат и в старости укрывается шинелью, которую ему выдали в первый день службы.

– М-да, – неопределенно промолвил Якушев. Крыть было нечем. – Знаешь, давай-ка мы не будем затрагивать национальный вопрос. Понаехали тут и учат...

– Извини, дорогой, – покладисто согласился Расулов. – Как поживаешь, не спрашиваю. Ты из тех, кого об этом спрашивать бесполезно. Если жив – значит, все хорошо, и спрашивать не о чем. А если умер – некого. Как твой командир – пишет?

– Быков? – переспросил Юрий.

Переспрашивать было незачем: из всех, под чьим началом он когда-либо служил, Расулов был знаком только с Романом Даниловичем Быковым – одним из тех, кто ценой своей и чужой крови спас ему жизнь. Собственно, сделал это именно Быков, остальные, в том числе и Юрий, были на подхвате.

– Пишет, – с усмешкой ответил Якушев. – Примерно раз в полгода.

– И как он?

Юрий пожал плечами.

– Служит. Женился, снова получил подполковника...

– Не самые свежие новости, – заметил гость. – Даже я их знаю.

– Он десантник, а не писатель, – напомнил Юрий. – И тоже относится к категории людей, которые счастливы, если живы. Проснулся утром, пощупал себя – ага, живой! Значит, все нормально. И вообще, один умный человек сказал, что счастье – это отсутствие новостей. А о чем писать, если новостей нет? Надеюсь, ты спросил о нем не потому, что он тебе снова понадобился?

Расулов отрицательно покачал головой.

– Просто он мне понравился. Хороший человек и настоящий солдат. Давай за него выпьем.

– Принимается и поддерживается, – кивнул Якушев.

Они чокнулись и выпили за Быкова.

– Хорошо, – сказал Юрий, ставя на стол пустую рюмку, и бросил в рот виноградину. – Надеюсь, Данилычу жена позволяет опрокинуть рюмку-другую на сон грядущий. Ночной колпак, как говорят англичане.

– Его жена – это тот рыжий демон в юбке, который дерется, как ниндзя? – уточнил Расулов.

– Ну, в юбке я Дашку сроду не видел, – в интересах истины заявил Якушев. – А что до цвета волос, так она, поди, уже и сама не помнит, каким он был изначально. Но что демон, то демон.

– Два сапога пара, – сказал кавказец с удовлетворенным кивком.

– За Дарью, – предложил Юрий, наполняя рюмки.

– С превеликим удовольствием. Да простит меня всемогущий аллах!

Они выпили за Дарью. Расулов взял лежащий на краю стола спецназовский нож с острым, как бритва, вороненым лезвием и стал ловко резать на дольки яблоко, держа его в ладони.

– А ты не думаешь обзавестись женой? – положив одну дольку в рот и аппетитно хрустя, поинтересовался он. – Не обижайся, но хорошая хозяйка тебе явно не помешала бы.

– За хорошей хозяйкой надо снаряжать целую экспедицию в глубинку, – сказал Юрий. – Да и то... У них это сейчас не модно – домашнее хозяйство, дети...

– А ты возьми мусульманку, – предложил Расулов.

– А смысл? Правверная со мной жить не сможет – грех. А та, которой шариат по барабану, ничем, кроме записи в паспорте, не отличается от коренной москвички. Только шерсти на ногах больше.

Расулов фыркнул и, взяв инициативу в свои руки, налил по третьей. Его внимание привлекли лежащие на подоконнике неровной стопкой книги. Поставив бутылку, он протянул руку, взял верхнюю книгу и удивленно приподнял густые, чуть тронутые сединой брови: это был учебник по истории.

– Занимательное чтиво, – сказал он.

– Решил освежить знания, – слегка смущаясь, объяснил Якушев. – Думаю вернуться в университет. Надоело быть недоучкой. Я же только и умею, что метко стрелять.

– И тебя это не устраивает, – полувопросительно подсказал Расулов.

– Хватит, настрелялся вволю.

– И кем ты планируешь стать – школьным учителем?

– Да нет уж, уволь. На войне спокойнее, – сказал Юрий. – Надо менять специальность. Экономика, менеджмент...

– Попробуй, – без особенного энтузиазма произнес кавказец. – Тем более что между историей и экономикой очень много общего. Только ты ведь воровать не умеешь, какой из тебя экономист! Впрочем, в одном ты прав: диплом о высшем образовании еще никому не мешал. Как говорится, без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек. Конечно, начинать в твоём возрасте новую карьеру рискованно, но, в конце концов, кто не рискует, тот не выигрывает. Можно обратиться к Шапошникову, да и я сумею чем-то помочь...

– К Шапошникову? – Юрий с сомнением поиграл бровями. – Не знаю, не знаю... Кстати, как он поживает, наш господин олигарх? Чем кончилась эта его затея с махачкалинским инвест-проектом?

Расулов вздохнул и пожал плечами.

– Ну, а как ты думаешь, чем она могла кончиться? Перерезали ленточку, пустили пыль в глаза тузам из еврокомиссии, провели несколько пресс-конференций... В общем, производство, если тебя интересует именно оно, до сих пор не работает. И вряд ли когда-нибудь заработает. Зачем? Все и так получили то, чего хотели: Москва – положительный рапорт европейских комиссаров, Шапошников – благосклонность Кремля...

– А ты, судя по кислому виду, потерял больше, чем приобрел, – предположил Юрий.

– Выигрывать приятно, но и проигрывать надо уметь. Проигрыш тоже обогащает – ну, хотя бы жизненным опытом, который дороже денег.

– Все, что не убивает, делает нас сильнее, – с понимающим видом поддакнул Якушев. При этом он с горечью вспомнил, скольких жизней стоило осуществление затеи, о которой они сейчас говорили. Считалось, что своими действиями они предотвратили или хотя бы отсрочили новую войну на Северном Кавказе; так это или нет, Юрий до сих пор не знал. Зато другое знал наверняка: Жуку, Баклану и всем, кого они перебили, разыскивая похищенного Магомеда Расулова, это уже безразлично. Именно поэтому дружба, столь настойчиво предлагаемая дагестанцем, представлялась ему чем-то вроде горького лекарства или прописанной доктором клизмы: при всей ее очевидной полезности без нее хотелось обойтись.

Резкий порыв холодного ветра с силой толкнулся в оконное стекло, по столу ощутимо потянуло сквознячком. Расулов покосился на старую щелястую раму, которую хозяин до сих пор не удосужился поменять или хотя бы заклеить на зиму бумагой, и спросил:

– Прости, дорогой, это не мое дело, но все-таки: почему ты не сделаешь ремонт? Денег нет?

Якушев равнодушно пожал плечами.

– Не знаю. Какие-то деньги есть, а хватит их или нет – без понятия. Не приценивался. Просто неохота связываться. То, что я могу сделать своими силами – обои переклеить, полы покрасить, – общей картины не изменит. А нанимать кого-то – не знаю, не знаю... Это же придется с утра до вечера стоять у них над душой, а я этого терпеть не могу.

– У меня на примете есть хорошая бригада, – заявил Расулов. – Очень порядочные люди, мои земляки...

– Да ну?! – развеселился Якушев. – Твои земляки унизились до физической работы?!

– По-моему, ты пытаешься меня обидеть, – ровным голосом заметил Расулов. – И это после того, как сам предложил оставить в покое национальный вопрос.

– Ты прав, – признал Юрий. – Извини. Этот чертов вопрос все время выпирает из любого разговора, как шило из мешка.

– Смутные времена, – согласился дагестанец. – Так что насчет ремонта?

– Да не знаю я! – Юрий сердито махнул рукой. – Чего ты пристал ко мне с этим ремонтом, как банный лист? Представить страшно, что тут начнется! В квартире жить станет невозможно, придется съезжать, а куда я съеду – в гостиницу?

– Погостишь у меня, – предложил Расулов.

– Где – в Махачкале?

– Почему в Махачкале? Здесь, в Москве. Вернее, под Москвой.

– В канализации, что ли?

– Опять не угадал. В метро.

Юрий рассмеялся, про себя снова отдав должное умению гостя подстраиваться под обстоятельства. У себя в горах он был уважаемый человек, старейшина, свято блюдуший законы шариата и свое непомерно раздутое, как у всех горцев, достоинство. А здесь, сидя за обшарпанным столом и греховно хлеща коньяк из водочной рюмки, оставаясь при этом правоверным мусульманином, кавказцем, старейшиной и так далее, он был человек как человек – ветеран Афгана, бывший десантник и, невзирая на разницу в возрасте и общественном положении, свой парень. Было невозможно определить, какова в таком его поведении доля притворства, и притворство ли это вообще. Даже если Расулов притворялся, делал он это вполне удачно, и Юрий решил не забивать себе голову чепухой.

– Я купил дом в Подмосковье, – говорил тем временем Расулов, снова наполняя рюмки. – Не Барвиха, конечно, но место вполне приличное, и соседи хорошие, уважаемые люди...

– Ого, – сказал Юрий. – Что, дома совсем туго стало?

– Не то чтобы совсем, – уклончиво возразил Расулов, – но какое-то время для моего здоровья будет полезнее пожить здесь. Поэтому милости прошу, дорогой, мой дом – твой дом. Места хватит, ты не будешь чувствовать себя стесненно. А пока ты будешь гостить у меня, мои земляки отремонтируют твою квартиру. Клянусь, это будет настоящий дворец, куда не стыдно привести женщину, будь она хоть королевских кровей! А главное, все произойдет без твоего участия. Ты просто отдашь бригадире ключи, а потом тебе позвонят и предложат принять работу.

– Вот это звучит по-настоящему заманчиво, – признался Юрий. – Спасибо, уважаемый, я подумаю.

– Что тут думать, э? Соглашайся!

– Ты хотел о чем-то поговорить, – напомнил Якушев. Он не любил, чтобы на него давили, пусть даже из самых добрых побуждений.

– А мы уже говорим, – сообщил дагестанец.

– Правда? Ремонт в моей халупе – это то, ради чего ты приехал и накачиваешь меня коньяком? Ты что, в тимуровцы записался?

– То, что твоя квартира нуждается в ремонте, для меня приятная неожиданность, – заявил Расулов. – Она дает мне возможность отплатить добром за добро, не оскорбляя хорошего человека попыткой всучить ему деньги.

– То есть, тебе зачем-то нужно, чтобы я пожил в твоём доме, – перевел это излишне витиеватое высказывание на простой человеческий язык Юрий.

– Я всегда считал тебя умным человеком, – утвердительно кивнул Расулов. – Для меня будет большой честью принять тебя как дорогого гостя.

– Темнишь, уважаемый, – упрекнул его Юрий. – Ты что, опасаясь покушения?

– Покушения? Не знаю. Не думаю. Это, конечно, не исключено, но на случай покушения у меня имеется охрана.

– Да, я заметил. Тогда в чем дело? Выкладывай, не стесняйся. Умный я или нет – вопрос открытый, но втемную играть не стану.

– Тебе и не придется, – заверил его Расулов, – потому что послушных исполнителей у меня хватает и без тебя. В этом качестве ты мне не нужен, дорогой. Твой зоркий глаз и острый ум – вот что мне от тебя нужно.

– Ты прирожденный политик и дипломат, уважаемый Магомед, – сделал собеседнику сомнительный комплимент утомленный его иносказаниями Якушев. – Твое искусство говорить красиво и много, ничего при этом не говоря, превышает всяческие похвал. Но, может быть, ты все-таки расскажешь, что у тебя произошло?

– Не произошло, – поправил Расулов, подвигая к нему полную рюмку. – Происходит прямо сейчас. И я не понимаю, что. Именно об этом я тебя и прошу: помочь мне разобраться, что происходит в моем доме и почему. Однажды ты вычислил предателя среди своих друзей. Теперь надо найти его среди моих. Ты сможешь?

– Я предупреждал, что не стану действовать втемную, – напомнил Юрий, держа на весу рюмку. – Давай выпьем. Потом ты подробно, простыми словами, опишешь мне ситуацию, и я решу, стоит ли с тобой связываться.

– Ты вправе диктовать условия, – согласился Расулов. – Кроме того, это условие кажется мне справедливым. Выпьем за тех, кого больше нет с нами, дорогой!

Они выпили, не чокаясь, и, выдержав скорбную паузу, Магомед Расулов заговорил о деле.

Глава 4

Из комнаты охраны на первом этаже доносились полные азарта гортанные возгласы. Переступив порог, Аман Муразов без труда установил причину шума. Дежурная смена, все четыре человека, собралась у экрана портативного телевизора, установленного прямо на консоли с мониторами видеонаблюдения, что позволяло одновременно следить как за тем, что происходило снаружи, так и за перипетиями финальных схваток чемпионата мира по вольной борьбе. Канал «Боец» транслировал эту запись уже далеко не впервые, но здесь, в этом доме, она неизменно собирала полный аншлаг.

Накурено в комнате было так, что хоть топор вешай. На экране телевизора двое мужчин в борцовских трико, пыхтя и отдуваясь, в странных позах медленно и трудно ломали друг друга на ковре. Один из них приходился присутствующим земляком, чем и был вызван их неослабевающий интерес к схватке, исход которой был давно известен. В другое время и при иных обстоятельствах Аман Муразов с удовольствием присоединился бы к коллегам, чтобы насладиться захватывающим зрелищем, которое было особенно приятным потому, что не сулило никаких сюрпризов. Но сейчас у него были дела поважнее, и он ограничил свое участие в общем веселье парочкой азартных возгласов и хлопков по спинам прильнувших к экрану охранников.

– Уже вернулся, дорогой? – спросил начальник дежурной смены, и, не выслушав ответа, снова всем телом подался к телевизору. – Что делаешь, э?! Кто тебя учил такому захвату?!

– Ай, ишак! – добавил к общему хору свой возглас Аман и попятился обратно к дверям, подле которых на деревянном щите висели запасные ключи от всех жилых и служебных помещений дома.

Ключи от жилых комнат выглядели совершенно одинаково, поскольку все внутренние двери были оснащены замками одного и того же типа. Это было очень удобно; незаметно для окружающих сняв с крючка ключ от кабинета хозяина, Аман повесил на его место ключ от своей комнаты, придержал, чтобы тот не раскачивался, и, отступив на шаг, быстрым взглядом оценил плоды своих рискованных усилий. Плоды получились ожидаемые и вполне удовлетворительные: на доске все выглядело точь-в-точь так, как было до прихода Амана.

Чувствуя себя куском овечьего помета, увлекаемым в неизвестном направлении стремительным горным потоком, Аман Муразов вышел из комнаты охраны и по главной лестнице поднялся на второй этаж. На душе у него было скверно, поскольку он точно знал, куда несет его горный поток. Аман Муразов со страшной скоростью двигался навстречу позору и смерти и, увы, ничего не мог с этим поделать: те, кто вовлек Амана в это губительное движение, были сильнее и крепко держали его за горло.

Кабинет находился в дальнем конце короткого, устланного пушистым ковром коридора. Торопясь поскорее покончить с неприятным делом, от которого не сумел отвертеться, Муразов вставил ключ в замочную скважину и дважды повернул против часовой стрелки. Замок мягко щелкнул, блестящая латунная ручка беззвучно опустилась, и дверь распахнулась, впустив Амана в пахнущий хорошим табаком и восточными благовониями полумрак дремлющего за задернутыми портьерами кабинета.

Бесшумно ступая по персидскому ковру, дагестанец быстрыми шагами пересек просторное помещение, присел на корточки и, не мудрствуя лукаво, прилепил микрофон к нижней поверхности крышки хозяйского стола. Круглую коробочку с поролоновой прокладкой он положил обратно в карман, напомнив себе о необходимости как можно скорее и незаметнее избавиться от этой улики. За три недели, прошедшие с того дня, когда его впервые остановил на улице капитан Куницын, Аман Муразов стал настоящим специалистом по части уничтожения улик и совершаемых по принуждению мелких подлостей. Он бы давно со всем этим

покончил, убив капитана, а потом и себя, если бы не взятая в заложники семья. Э, да что там! Если бы не семья, всего этого просто не было бы. Но Куницын и те, чьи приказы он выполнял, точно знали, как побольнее ухватить Амана за живое; они вогнали ему в самое сердце острый крюк шантажа и угроз, и Аман уже не мог с этого крюка сорваться. Наоборот, каждый его шаг еще глубже вгонял холодное железо в живую плоть, и, если в самом начале еще существовала призрачная возможность рассказать обо всем хозяину и попросить у него помощи, теперь о ней нечего было и мечтать. Аман Муразов остался со своей бедой один на один, без родины и друзей, которых предал, и уже не рассчитывал на благополучный исход. Единственное, о чем он теперь мечтал и к чему стремился, это ценой собственной жизни спасти свою семью.

Торопливо покидая кабинет, он в потемках налетел на стоящую справа от входа вазу китайского фарфора и едва ее не опрокинул, успев подхватить лишь в самый последний момент. С головы до ног покрывшись холодной испариной, Аман поставил вазу на место, выглянул в коридор и, убедившись, что там никого нет, боком выскользнул из кабинета. С первого этажа по-прежнему доносился голос диктора, комментирующего выступление борцов, и гомон собравшихся у экрана азартных болельщиков: пользуясь отсутствием хозяина, охрана расслаблялась. Они не то чтобы манкировали своими прямыми обязанностями, но и не расшибались в лепешку, карауля дом, который пока никто не собирался штурмовать.

Сбегая вниз по лестнице, Аман подавил горестный вздох. Вообще, если разобраться, в том, что сейчас происходило, был в самую первую очередь виноват хозяин дома, уважаемый Магомед, ухитрившийся в последнее время сделаться в глазах многих своих земляков далеко не таким уважаемым, как прежде. Его упорное стремление любой ценой сохранить мир на земле Дагестана некоторые расценивали как желание прийти к власти на русских штыках. Положа руку на сердце, Аман Муразов не знал, насколько обоснованы эти подозрения. Прелестей партизанской войны он нахлебался досыта, на лидеров ваххабитов наглядился до тошноты и давно перестал признавать за ними право решать судьбы Кавказа – это были просто убийцы, не желавшие ничего, кроме крови, власти и денег. Но и русские были не лучше, а во многом и хуже тех, кто упорно раздувал на Кавказе пламя новой войны. Они тоже хотели только денег, а данной им властью пользовались так, что руки сами собой тянулись к оружию. Они не защитили своего верного союзника Магомеда Расулова, когда в горных аулах началась кровавая охота на его друзей и родственников, а теперь, когда он вынужденно перебрался в Москву, кажется, вознамерились убрать его руками Амана, прибегнув для этого к своему излюбленному оружию – давлению и шантажу.

Никто не обернулся, когда он снова вошел в комнату охраны, снял с доски ключ от своей комнаты и повесил на его место ключ от хозяйского кабинета. Задача, поставленная капитаном Куницыным, была выполнена с легкостью, которая немного удивила самого Амана. «Кажется, я начинаю набивать руку, – подумал он с горечью. – Еще немного, и из меня получится настоящий шпион!» Мысленно помянув шайтана, он подвинул поближе к консоли свободный стул, закурил и присоединился к болельщикам, хотя, занятый своими неприятными раздумьями, почти не видел того, что происходило на экране.

Потом репортаж закончился, и зрители начали расходиться по своим рабочим местам, горячо обсуждая то, что видели и обсуждали уже, самое меньшее, пять раз. Аман, у которого сегодня был выходной, и которому было страшно даже подумать о том, чтобы отправиться к себе в комнату и остаться наедине со своими мыслями, принял предложение начальника смены Исы Ругоева сыграть партию в нарды. За игрой Иса, как обычно, что-то напевал себе под нос, заставляя Амана снова и снова вспоминать недавний разговор с Куницыным. По просьбе Исы один из охранников приготовил зеленый чай. За чаем, игрой и степенным мужским разговором время летело незаметно; они сыграли две партии со счетом один-один и начали третью, решающую, когда охранник у ворот сообщил по рации, что прибыл хозяин.

Заторопившийся и очень довольный, поскольку партия складывалась не в его пользу, Иса залпом допил остывший чай и поспешил к выходу, чтобы встретить хозяина и доложить, что в доме все спокойно. Аман остался сидеть за столом. Справа от него располагалось окно, которое выходило во двор. Сквозь щели между матерчатými лентами вертикальных жалюзи Муразов видел, как посреди вымощенного цветной цементной плиткой двора остановился черный «мерседес» Расулова. Из него синхронно, как в кино, выбрались водитель Абдул и телохранитель уважаемого Магомеда Руслан. Водитель по обыкновению открыл заднюю дверь перед хозяином; Руслан, слегка удивив Амана, открыл вторую дверь с другой стороны машины. Это означало, что уважаемый Магомед привез кого-то из города. Вовремя вспомнив, что в его обязанности входит информировать Куницына обо всех посетителях хозяина, Аман Муразов встал из-за стола и вслед за Исой поспешил к выходу, чтобы не только видеть, но и слышать все, что произойдет во дворе.

Он поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Руслан под удивленными взглядами присутствующих выволакивает с заднего сиденья хозяйской машины какого-то человека. Будь это правоверный, Аман решил бы, что ему плохо. Но человек, которого привез с собой уважаемый Магомед, имел откровенно славянскую наружность, а значит, шатало его не из-за болезни – если, конечно, не считать болезнью широко распространенный среди неверных хронический алкоголизм.

– Руки убрал, джигит! – заплетающимся языком грубо прикрикнул он на пытающегося помочь ему Руслана и сопроводил свои слова довольно сильным толчком в грудь. Водитель с каменным лицом отступил на шаг, демонстративно разведя в стороны руки, и пьяный, потеряв равновесие, сначала упал на колени, а затем стал посреди двора на четвереньки. – Э, уважаемый, ты на хрена меня уронил?!

Расулов, который стоял в сторонке и с непроницаемым выражением лица наблюдал за происходящим, коротко кивнул Абдулу, и тот вместе с Русланом, подхватив гостя под руки, помог ему подняться. В руке у водителя была потрепанная спортивная сумка, которую Аман видел впервые, – очевидно, багаж гостя.

– Что делается, э! – негромко сказал над ухом у Амана один из свободных охранников. – Кто эта пьяная свинья – заложник?

– Не знаю, дорогой, – не оборачиваясь, также вполголоса откликнулся Муразов. – Думаю, хозяин нам все объяснит.

Им пришлось посторониться, чтобы пропустить Абдула и Руслана, которые тащили пьяно качающегося гостя в дом. Его повели не в подвал, а на второй этаж, в покои Расулова, из чего следовало, что это не заложник, а именно гость, причем гость дорогой, пользующийся полным доверием хозяина. Для гостей рангом пониже, которых в доме бывало предостаточно, предназначался флигель в глубине двора, где они могли расположиться с полным комфортом и при этом на отшибе, без возможности отвлекать хозяина от дел и совать в эти дела свой нос.

Проходя в дверь, Абдул нечаянно задел сумкой косяк. Сумка предательски звякнула.

– Поаккуратнее, шеф! – воскликнул гость. Аман брезгливо поморщился, уловив исходящий от него густой запах алкогольного перегара. – Это мой золотой запас! У вас же, чертей, глотка пива с похмелья не допросишься... А черные-то все, черные, мать моя женщина! Вот черти и есть...

Через несколько минут Расулов собрал их в просторном холле первого этажа.

– Человек, который приехал со мной – мой гость. Дорогой гость! – подчеркнул он. – Он будет жить здесь столько, сколько потребуется, и ни один из вас не посмеет оскорбить его ни словом, ни делом. Оскорбление, нанесенное ему, я буду расценивать как личное оскорбление. Поэтому вы должны относиться к нему со всем почтением, какое надлежит проявлять к гостю. Вам все понятно?

– Да, уважаемый, – за всех ответил Иса.

По лестнице, приводя в порядок растрепанную одежду, откровенно переводя дыхание, спускались Руслан и Абдул. Вслед им из-за двери гостевой спальни неслась песня.

– По камням струится Терек, катит мутный вал, – с пьяной задумчивостью выводил дорогой гость Магомеда Расулова. – Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал!

– Вот шайтан, – одними губами произнес Иса Ругоев.

Расулов услышал. Резко обернувшись, он прожег начальника караула свирепым взглядом, а затем, погасив недобрый огонь в глубине зрачков, негромко сказал:

– Друзей не выбирают, Иса. Этот человек однажды спас мне жизнь. Сейчас ему тяжело, и я обязан ему помочь, чтобы вернуть хотя бы частичку своего неоплаченного долга.

– Я понял, уважаемый, – склонив голову, повторил Иса.

– Надеюсь, что ты действительно меня понял, – веско произнес Расулов и, не больше ничего не говоря, стал неторопливо подниматься по лестнице.

– Настают нелегкие времена, – вполголоса заметил Ругоев, когда наверху негромко стукнула дверь кабинета. – Что ж, переживали и не такое.

* * *

Допев про злого чечена, Юрий решил, что уже произвел на публику достаточно яркое и глубокое впечатление и что для первого раза этого, пожалуй, достаточно. Если перегнуть палку, горячие джигиты могут наплевать и на законы гостеприимства, и на уважение к Расулову. А поголовное истребление его личной охраны – совсем не та помощь, которой уважаемый Магомед ждет от Юрия Якушева...

Присев на краешек стола, он закурил и с интересом оглядел свое временное пристанище. Приходилось признать, что пристанище вполне комфортабельное и где-то даже шикарное. Оно напоминало номер люкс в гостинице средней руки, то есть многократно превосходило по уровню роскоши все помещения, в которых Юрию когда-либо доводилось ночевать.

Накурившись всласть, он слез со стола, присел на корточки перед своей сумкой и начал распаковываться. В углу негромко гудел маленький, отделанный снаружи красным деревом холодильник. Туда Юрий перегрузил спиртное – восемь бутылок пива, две водки и коньяк, презентованный Расуловым. Немногочисленные предметы верхней одежды и смена белья отправились в шкаф; туда же Юрий поставил футляр с разобранной винтовкой, которую около года назад подарил ему все тот же Расулов. Не так давно этот подарочек едва не сослужил Юрию дурную службу, но все хорошо, что хорошо кончается. Стрелять из винтовки Якушев не собирался – по крайней мере, пока, – но не оставлять же ее в квартире, которая стараниями специализирующихся на ремонтных работах земляков уважаемого Магомеда вот-вот превратится в проходной двор! Доверие доверием, но оружие требует строгого соблюдения некоторых правил, и одно из них таково: никогда не оставляй свой ствол без присмотра там, где он может попасть в чужие руки.

Вслед за футляром из сумки появился увесистый «Стечкин» – громоздкое, уже слегка морально устаревшее, но проверенное и надежное оружие спецназа. Проверив обойму, Юрий поставил пистолет на предохранитель и засунул сзади за пояс джинсов, прикрыв сверху свитером. При этом он мысленно похвалил себя за предусмотрительность, с которой на время пути оставил оружие в сумке: волоча гостя вверх по лестнице, «абреки» Расулова ненавязчиво, будто бы невзначай, ощупали его чуть ли не с головы до ног. Целиком одобряя их действия и отдавая должное их профессионализму, прежде времени раскрывать перед ними карты Юрий не собирался: возможно, Расулов не ошибся, подозревая кого-то из своих людей в предательстве.

Закурив новую сигарету, Юрий подошел к окну. Окно выходило на улицу, позволяя в полной мере насладиться архитектурными изысками, которыми изобилует расположенный через дорогу особняк. Расулов не солгал: место здесь было весьма и весьма приличное, и не

хотелось даже приблизительно прикидывать, в какую сумму обошлась уважаемому Магомеду эта подмосковная недвижимость. А уж гадать, откуда у него такие бешеные деньги, и вовсе не стоило: попытка найти ответ на этот вопрос могла скверно отразиться на здоровье излишне любопытного гостя.

На подъездной дорожке перед воротами гаража соседнего коттеджа стоял, сверкая черным лаком и хромом, роскошный «бентли». На проезжей части перед тем же коттеджем, почти точно напротив окна, у которого стоял Якушев, забравшись двумя колесами на тротуар, торчала еще одна машина – забрызганная грязью темно-синяя «Волга» с тонированными стеклами. Водительское окно было приоткрыто где-то на два пальца, и из щели, клубясь, выплывал табачный дым. Расулов не ошибся: его действительно пасли, не особенно при этом скрываясь.

Юрию показалось, что в темной щели приоткрытого окна что-то блеснуло вороватым стеклянным блеском. Он задернул полупрозрачную тюлевую занавеску и отошел от окна.

Магомед Расулов приобрел этот дом около двух месяцев назад, и поначалу все было спокойно. Время от времени в гостевом флигеле останавливались его земляки, приезжавшие в Москву по делам. Двери этого дома всегда были для них открыты, невзирая на то, что Расулов приехал сюда, фактически спасаясь от мести кровников. Приходилось признать, что в жизни по законам шариата есть определенные преимущества: русский человек, оказавшись в такой ситуации и ведя себя подобным образом, не прожил бы и двух дней. Но Расулов своих гостей не боялся, а если в глубине души и побаивался, то умело это скрывал. Ход его рассуждений был прост и понятен: если убийца проникнет в дом под видом гостя и вероломно убьет хозяина, это будет уже не ритуал кровной мести, а подлое кровавое злодеяние, которое покроет несмываемым позором и убийцу, и всех его родственников и потомков до седьмого колена. Тот, кто на это отважится, автоматически поставит себя вне закона, и любой из его земляков и единоверцев почтет своим священным долгом убить его, как собаку. При всей своей архаичной наивности такая позиция себя целиком и полностью оправдала – за два месяца гостевой флигель в общей сложности простоял пустым от силы трое суток, но уважаемый Магомед до сих пор оставался целым и невредимым.

В город Расулов выезжал редко, стараясь оставаться внутри охраняемого, обнесенного высоким кирпичным забором периметра. При этом, по его собственному признанию, всерьез покушения на себя он не опасался: кровники терпеливо ждали его дома, в горах, и, если бы не острая необходимость завершить некоторые начатые, крайне важные дела, он не стал бы от них бегать.

Юрий, разумеется, не дал ему отделаться столь расплывчатой формулировкой и потребовал уточнить, что это за важные дела. Оказалось, что Расулов взвалил на себя задачу, которая Юрию, лично, казалась заведомо невыполнимой. Он намеревался воспользоваться своим пребыванием в Москве, чтобы при посредничестве небезызвестного бизнесмена и политика Игоря Шапошникова, своего старого, еще времен афганской войны, друга и сослуживца, провести ряд кулуарных, строго конфиденциальных встреч с представителями московских деловых и политических кругов. Этот чудак всерьез вознамерился убедить хотя бы некоторых из них поспособствовать началу переговорного процесса о мирном выходе республик Кавказа из состава Российской Федерации.

«А ты хват, уважаемый, – высказался по этому поводу Якушев. – Уж не метишь ли ты в кресло президента независимого Дагестана?» – «Если народ возложит на меня эту обязанность, я ее приму, – получил он вполне прогнозируемый ответ. – Только не думай, что это должность, о которой стоит мечтать. Тому, кто ее займет, не позавидуешь. Что у нас есть, если разобраться? Немножко моря, немножко камней, чуть-чуть нефти, много чистого горного воздуха и незавидная репутация. Сейчас мы интересуем международное сообщество только как козырь в переговорах с Россией, по какому бы поводу они ни велись. А отделившись от России, мы станем вообще никому не интересны. Нам придется научиться разумно распоряжаться

тем немногим, что у нас есть, и при этом не передрасться друг с другом из-за этих жалких крох. Но об этом пока рано говорить. И, если хочешь знать мое мнение, это вряд ли вообще когда-либо произойдет». – «Тогда зачем огород городить?» – «Начало переговоров само по себе ослабит позиции тех, кто призывает народ к войне, – сказал Расулов. – Мы выьем из их рук знамя борьбы за независимость и веру, вместо оружия дадим в руки рукоятки плуга и мастерок каменщика. Они окажутся в крайне незавидном положении: работать не хочется, мир им не нужен, а воевать не с кем и не за что». – «Так уж и не за что, – усомнился Юрий. – За торжество ислама, поголовное истребление неверных и установление всемирного халифата, например. Уж кто-кто, а ты-то должен помнить, что контртеррористическая операция в Чечне началась после того, как они напали на Дагестан. Устроить под боком у России большую, никем не контролируемую базу международного терроризма – вот что ты предлагаешь, уважаемый. Месяца не пройдет, как посреди Махачкалы начнет строиться особняк бен Ладена!» – «Пограничный контроль и визовый режим помогут справиться с этой проблемой, – пожал плечами Расулов. – Да и народ многому научился за эти десятилетия. Он больше не позволит бандитам править собой». – «Это ты так думаешь». – «Вот именно: это я так думаю. И, если я ошибаюсь, у меня просто ничего не получится». – «Хуже будет, если твоя ошибка обнаружится после того, как ты добьешься успеха, – сказал Юрий. – Впрочем, не мне тебя учить, и решать, кто тут прав, а кто виноват, не мне. Я – всего лишь солдат»... – «Без университетского диплома», – шутливо напомнил Расулов, и на этом обсуждение его далеко идущих политических планов закончилось (как и большинство подобных разговоров) ничем.

Возможно, неприятности, которые привели Магомеда Расулова в гости к Юрию Якушеву, были связаны с его планами, а возможно, и нет. Выражались они в том, что чуть меньше месяца назад Расулов начал замечать за собой слезку. Кто за ним следит и с какой целью, оставалось только гадать. Высказанное Юрием предположение, что это могут быть политические противники уважаемого Магомеда, ему самому казалось довольно шатким. Говоря о политических противниках, оба имели в виду самых обыкновенных бандитов. А бандиты давным-давно решили бы проблему, подкараулив Расулова на загородном шоссе и подняв на воздух вместе с охраной и бронированным «мерседесом» одним точным выстрелом из гранатомета – например, из РПГ, способного прошибить насквозь даже танковую броню. Впрочем, собеседники тут же сошлись во мнении, что сделать это никогда не поздно, так что данную версию также следовало иметь в виду.

Наблюдение за пользующимся у себя на родине немалым авторитетом кавказским гостем могли установить спецслужбы. Но просто так, на всякий случай, подобные действия не предпринимаются, и, если Расулова «водила» ФСБ, значит, на то существовали довольно веские причины. Уважаемый Магомед клялся всемогущим аллахом, что и в мыслях не имел ничего противозаконного, и Юрий склонялся к тому, чтобы поверить ему на слово. Конечно, обмануть неверного – не грех, но какой в этом смысл? Если бы Расулов знал, из-за чего разгорелся сырбор, он решил бы проблему самостоятельно, без посторонней помощи. Да и трепать имя всемогущего, раздавая лживые клятвы, этот столп шариата в спрятанном под крахмальной сорочкой десантном тельнике, конечно же, не стал бы.

Значит, если Расулов находился под колпаком у ФСБ, виноват в этом был не он, а кто-то из его гостей, среди которых, по его собственному признанию, время от времени попадались совершенно ему не знакомые и при этом довольно подозрительные типы. Отказать землякам в гостеприимстве он не мог, а превратить свой дом в перевалочную базу, через которую в Москву попадают наркотики, оружие и взрывчатка, естественно, не хотел.

Проще всего было бы решить проблему, обратившись в ту же ФСБ. При поддержке Шапошникова, чье состояние оценивалось в два миллиарда долларов, а связи в Кремле вызвали жгучую зависть конкурентов и политических соперников, обращение такого уважаемого и законопослушного человека, как Магомед Расулов, не осталось бы без самого пристального

внимания. Но если в деле и впрямь был замешан кто-то из его прошлых, настоящих или будущих гостей, Расулову неминуемо было бы предложено сотрудничество, отказаться от которого не было ни малейшей возможности. По завершении операции о роли в ней уважаемого Магомеда обязательно узнали бы на родине, что нанесло бы сокрушительный удар по его и без того пошатнувшемуся авторитету.

Авторитет... Юрий тяжело вздохнул и, подойдя к окну, снова выглянул на улицу. Синяя «Волга» уже уехала, оставив после себя лишь пару окурков на мокром асфальте. Зато за углом, в перпендикулярном проулке, обнаружился грязно-белый фордовский микроавтобус с глухим, без окон, цельнометаллическим кузовом, на борту которого красовалась реклама фирмы – поставщика оргтехники. Юрий понаблюдал за ним из-за занавески, но в течение долгих пяти минут вокруг машины не происходило никакого движения. Правда, Юрий мог проворонить момент, когда сотрудники фирмы внесли в один из соседних домов доставленный компьютер или, скажем, принтер, но он почему-то сильно в этом сомневался.

Подумав, что в комнату может кто-нибудь заглянуть, Юрий принял меры к поддержанию невысокого мнения охраны о своей персоне. С этой целью он достал из холодильника две бутылки пива, вскрыл обе и, прогулявшись до туалета, вылил содержимое одной из них в унитаз. Вода из смывного бачка обрушилась вниз с шумом, слышным, наверное, по всему дому и, заворачиваясь пенной воронкой, ушла в канализацию вместе с пятьюстами миллилитрами продукции баварских пивоваров. Вернувшись в комнату, Юрий поставил пустую бутылку на видное место, вооружился второй и, прихлебывая из горлышка, снова занял наблюдательный пост у окна. Белый «форд» стоял на прежнем месте. На всякий случай Юрий засек время и, присев на край стола, стал думать об авторитете господина Расулова.

Этот самый авторитет пошатнулся во многом благодаря стараниям майора ВДВ Быкова и его команды, частью которой был Юрий Якушев. Разыскивая по просьбе господина Шапошников пропавшего по дороге из Махачкалы в Москву Магомеда Расулова, они угодили в засаду на горной тропе и приняли бой. Выбирать не приходилось, пути к отступлению не было, и драться пришлось всерьез. В результате клан Исмагиловых, издавна враждовавший с семейством Расуловых, понес потери, которые можно было смело назвать катастрофическими. Стараниями некоторых московских доброхотов дело было представлено и подано так, будто Быков и его люди являлись наемниками, напавшими на Исмагиловых по заказу Магомеда Расулова. Позднее ложь вскрылась, но пятно на репутации Расулова осталось, и, когда пришло время, кое-кто решил снова разыграть эту давно, казалось бы, сброшенную в отбой карту. Расулов был вынужден временно покинуть родные края, предоставив своим сыновьям улаживать дело, и перебраться в Москву, где у него и начались нынешние неприятности. Не зная за собой никакой вины, Юрий, тем не менее, чувствовал на своих плечах груз ответственности: как ни крути, а он был одним из тех, за чьи действия Расулову сейчас пытались отомстить кровники. А бегать от ответственности отставной старшина Якушев не привык.

Глотнув пива, он закурил сигарету. Похмельная сухость во рту и легкая мусть в голове, оставшиеся после греховных посиделок с уважаемым Магомедом, прошли, как по волшебству. Теперь следовало не перегнуть палку, дабы облегчение не превратилось в опьянение. Незабвенный и, увы, покойный Баклан по этому поводу говорил: «Неосторожный опохмел приводит к длительному запою», – и, случалось, на собственном примере демонстрировал и подтверждал истинность этого высказывания.

Сигарета истлела до самого фильтра и отправилась в пепельницу. Белый микроавтобус стоял на прежнем месте, и слабо верилось, что кто-то может так долго возиться с установкой новенького компьютера. Операционную систему, что ли, загружают? Чушь, ерунда, это делается заранее. Да и обитатели вот таких фешенебельных загородных особнячков в наше время предпочитают не загромождать свои разработанные и оформленные высокооплачиваемыми

дизайнерами интерьеры пыльными жестяными ящиками с перепутанными бородами проводов, обзаводясь вместо них компактными, удобными ноутбуками...

Пользуясь образовавшимся избытком свободного времени, Юрий попытался в последний раз взвесить все «за» и «против» и понять, не свалил ли он дурака, ввязавшись в чужие темные дела. Его моральные обязательства перед кавказцем были высосаны из пальца, и это понимал не только Юрий, но и сам Расулов, ни словом, ни взглядом на них не намекнувший. Особенной симпатии к уважаемому Магомеду он не испытывал, и послать этого заигравшегося в политику повелителя овечьих стад ко всем чертям ему было раз плюнуть.

С другой стороны, какими бы мотивами ни руководствовался Магомед Расулов в своих действиях, он был убежденным противником терроризма, и все, что он делал, так или иначе шло на пользу простым людям по обе стороны дагестанской границы. Звучит немного высокопарно, но из песни слова не выкинешь: если судить не по словам и национальному признаку, а по делам и поступкам, человек он, без сомнения, хороший, правильный. И как один хороший человек может отказать в помощи другому хорошему человеку? Ведь не от нечего делать он обратился не в компетентные органы и не к своим многочисленным землякам и родственникам, а к отставному русскому спецназовцу!

И еще такое рассуждение: если Расулов, как может, борется с терроризмом, бросить его на произвол судьбы значит оказать прямое содействие бандитам. А рассчитывать, что его выручит ФСБ, вряд ли стоит. Ведь, если докопаться до сути, все его неприятности по-настоящему начались из-за того, что он чертовски мешал одному генералу упомянутого ведомства вагонами продавать оружие боевикам. Из-за этого его похитили и едва не убили, и именно из-за этого майор Быков и его люди оказались там, где они оказались, и сделали то, что сделали. Так что не надо поминать ФСБ, особенно к ночи!

Глотнув из бутылки, Юрий посмотрел в окно. Белый микроавтобус никуда не делся, хотя с того момента, когда Якушев его заметил, прошло уже больше часа. Так-то вот, приятель, мысленно обратился Юрий к самому себе. Хочешь мира, готовься к войне. Для подавляющего большинства обывателей по всему земному шару этот древний афоризм – пустой звук, красивый парадокс, смысл которого понятен, но не имеет никакого практического применения в повседневной жизни. А ты, дружок, явно из тех ушибленных жизнью уродов, которые раз за разом закапывают топор войны только затем, чтобы уже назавтра его откопать. И не просто откопать, а размахнуться и со всей дури треснуть кого-нибудь по кумполу...

В дверь постучали. На всякий случай положив ладонь на рукоятку торчащего сзади за поясом брюк пистолета, Якушев повернулся лицом к двери и крикнул:

– Открыто!

Дверь отворилась, и в комнату вошел уважаемый Магомед в сопровождении каких-то людей, судя по виду, приходившихся ему земляками.

Глава 5

Уже начинало понемногу смеркаться, когда Аман Муразов сел в остановившуюся по призывному взмаху его руки машину. Это было в нескольких шагах от выезда со стоянки перед супермаркетом, который Аман только что посетил. В руках у него был шуршащий полиэтиленовый пакет с логотипом упомянутой торговой точки, а к лицу будто навек прикипело хмурое, угрюмое выражение, не сходившее с него с того самого дня, когда Аман имел сомнительное удовольствие познакомиться с капитаном ФСБ Евгением Куницыным.

– Быстро же ты соскучился, – усмехнулся Куницын, вклинивая машину в транспортный поток и направляя в сторону поселка, где с некоторых пор обитал Магомед Расулов. – И трех часов не прошло! Тебя, часом, не хватает?

– У меня выходной, – сообщил Аман. – Я сказал, что мне надо купить сигарет.

– Купил?

Вместо ответа кавказец достал из пакета и показал ему запечатанный блок.

– Хорошо, – одобрил его навыки конспиратора Куницын. – И молодец, что позвонил из таксофона. Ну, что там у вас еще стряслось?

– Хозяин вернулся из города не один, – сообщил Аман, пустым, ничего не выражающим взглядом уставившись в забрызганное грязной водой окно, за которым проносились рекламные щиты, стрелы указателей и сияющие, как приземлившиеся НЛО, заправочные станции. – Это русский, и он был сильно пьян.

– Да, мне о нем уже сообщили, – кивнул Куницын. – Но ты молодец, что продублировал сообщение. И, кстати, прими отдельную благодарность за «жучок» в кабинете. А говорил, что это сложно, прямо-таки невозможно... Глаза боятся, а руки делают! Ты полезный человек, Аман, это тебе обязательно зачтется. Скажи, твой хозяин часто принимает таких гостей, как этот?

– Мой хозяин чтит законы шариата и презирает пьяниц, – сказал Муразов. – Но сегодня мне показалось...

– Что тебе показалось? – поторопил его Куницын.

– Мне показалось, что от него тоже пахнет спиртным, – решительно закончил Аман представлявшееся ему самому не особенно правдоподобным сообщение. – И не вином, а чем-то по-настоящему крепким – по-моему, коньяком.

– Интересно, – заинтригованно протянул капитан. – Вот не знал, что ты у нас эксперт по части крепких напитков! Пить не пьешь, а по запаху различаешь... Или все-таки втихаря прикладываешься к бутылке? Не стесняйся, это не грех! Пророк запретил вам пить вино, а про коньяк в Коране ни слова, я специально проверял...

– Это не самая умная шутка, – сквозь зубы заметил Муразов. – И придумал ее не ты. Хотя, подозреваю, тот, кто пустил ее гулять по свету, тоже был неверным. Мусульманину не пришло бы в голову зубоскалить на эту тему.

– Ты хвост-то не задирай, – многообещающим тоном посоветовал Куницын. – Тоже мне, воин ислама... Ты уже отвоевался, забыл? Так что там с этим забулдыгой?

– На забулдыгу он не похож, – возразил Муразов. – Молодой, высокий, крепкий, одет хорошо, чисто... Просто пьяный. И бутылки в сумке, которую привезли вместе с ним.

– Хочешь сказать, что Расулов поселил у себя собутыльника, чтобы не грешить в одиночку? – усомнился Куницын. – Что-то непохоже это на нашего уважаемого Магомеда, как ты считаешь?

Аман промолчал, сочтя этот вопрос риторическим. Слово «риторический» было ему незнакомо, но он достаточно пожил, чтобы знать: бывают вопросы, не требующие ответа, поскольку тот общеизвестен.

– Совсем не похоже, – поддакнул сам себе Куницын. – А что он сказал? Между прочим, это твое упущение, Аман, что в холле нет микрофона. В сортире, которым пользуется охрана, есть, а в холле нет... Ты это нарочно, а?

– В этом туалете две кабинки, – сдерживаясь, поскольку так сильно волнующая капитана Куницына тема сортира на первом этаже его сегодня уже изрядно утомила, сообщил Аман. – Это есть на плане, который я тебе передал, уважаемый. Мне показалось, что это неплохое место, чтобы посекретничать и обменяться новостями.

– Ладно, принимается, – проворчал Куницын. – Так что сказал Расулов по поводу этого русского? Как его зовут, кто такой, чем дышит?

– Хозяин сказал, что это дорогой гость, и приказал нам относиться к нему с должным почтением. Сказал, что обязан этому человеку жизнью, и всякий, кто посмеет его оскорбить, станет его кровным врагом.

– Это все?

– Все.

– Негусто... Ну, с паршивой овцы хоть шерсти клок... Жизнь, говоришь, обязан? И как раз теперь притащил его в дом... Он что, утратил доверие к собственной охране и решил обзавестись личным телохранителем на стороне?

– Не думаю, – пожал плечами Муразов. – Он сказал, что этот человек в беде и нуждается в крове.

– А он, значит, решил проявить милосердие, протянуть руку помощи? Сомнительно, сомнительно... А впрочем, кто его знает! Ты хотя бы в курсе, что твой драгоценный хозяин когда-то служил в ВДВ, воевал в Афганистане и стрелял в своих единоверцев?

– Хаттаб и Басаев тоже стреляли в единоверцев, – напомнил Аман. – И я стрелял. И тебе, уважаемый, наверняка приходилось убивать людей одной с тобой веры.

– Не без того, – хмыкнул Куницын. – Да, тебя не так-то просто сбить с толку. Молодец, это ценное качество. Говорят, у вас, в Дагестане, все такие – неглупые, образованные, подкованные в вопросах религии...

– Не все, – сказал Аман, – но многие. Больше, чем в Чечне и Ингушетии.

– А ты? – не отставал Куницын. – Коран-то наизусть знаешь?

– Если бы я знал наизусть Коран, я был бы муллой, уважаемым человеком. А я – простой воин. Точнее, был воином, а теперь всего лишь сторож при чужом добре. А благодаря тебе скоро стану покойником, да еще и опозоренным.

Куницын пренебрежительно фыркнул.

– Не дави на жалость, приятель, в моем характере это качество отсутствует. Я его давно изжил наряду с другими недостатками. Да ты и недостойн жалости. Я не выкручивал тебе рук и не пугал пистолетом, а просто предоставил право выбора: или – или. Выбирая между своей семьей и Расуловым, ты выбрал семью. И правильно сделал, если хочешь знать мое мнение. Своя рубашка ближе к телу, а Расулов тебе даже не родственник. Что вы, как бараны, все время стремитесь сбиться в стадо и пойти за вожаком? Откуда вам знать, что у него на уме? Что, если он ведет вас прямиком на бойню?

– Этот вожак ведет совсем в другую сторону, – заметил Муразов.

– Правильно! – воскликнул капитан. – А потом, когда вы растопчете его конкурентов, развернет все стадо на сто восемьдесят градусов и – аллах акбар! Вы же только и умеете, что грабить и убивать, так куда еще он может вас повести? И зачем? Те из вас, кто действительно хочет мира, давно разбрелись по всему свету и слышать не желают о возвращении на родину – жиреют на социальных пособиях, бездельничают, качают права, устраивают беспорядки и пляшут лезгинку на улицах... Ладно, – оборвал он себя, – это все лирика. Теперь давай по делу. Возьми-ка вот это.

Вынув из кармана, он протянул Муразову какой-то небольшой предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся самым обыкновенным телефоном недорогой, морально устаревшей модели.

– У меня есть телефон, – попробовал отказаться от подарка Аман.

– Такого нет, – с усмешкой возразил Куницын. – С этим тебе не придется искать таксофон всякий раз, когда захочется услышать мой голос. В его памяти в его один номер – мой, и использовать его ты будешь только для связи со мной. Никому его не показывай, о существовании у тебя второго аппарата твоим землякам и коллегам знать не обязательно. Эта линия закрыта для прослушивания, так что по ней можно говорить спокойно...

– В доме нет аппаратуры прослушивания, – вставил Аман.

– Много ты знаешь! Нет, так появится. Твой хозяин – не дурак и, наверное, уже начал чувствовать, что мы его пасем. Следующим его шагом станет тщательный осмотр дома в поисках «жучков». А когда они там обнаружатся, он живо поймет, что кто-то из охранников его слил, и начнет искать крота. Денег у него куры не клюют, так что ему стоит организовать прослушивание всех ваших телефонных переговоров? Поэтому из дома мне не звони, и встречаться лично мы с тобой теперь тоже не будем: выследят – тебе не жить.

– Мне так и так не жить, – равнодушно напомнил Муразов.

– Если сдохнешь без пользы для дела, за благополучие твоей семьи я не дам и ломаного гроша, – пригрозил капитан. – Так что ты уж, будь добр, доживи до победного конца. Сделал дело – гуляй смело, хочешь – живи, хочешь – помирай, я тебе препятствовать не стану. Понял?

– Понял, – угрюмо проворчал Муразов, пряча презентованный капитаном мобильник во внутренний карман куртки.

Куницын высадил его в полуквартале от дома и укатил обратно в Москву. Аман прогулялся под моросящим дождиком, который во время порывов ветра сек лицо, как мокрая семихвостая плеть. Сумерки сгущались прямо на глазах, на улице становилось все неуютнее буквально с каждой минутой, но идти в дом в новом для него качестве предателя, соглядатая и шпиона Аману не хотелось. Делать, однако, было нечего; его слишком долгое отсутствие могло вызвать ненужные расспросы, к которым он сейчас просто не был готов.

Чтобы немного потянуть время, Аман задержался в жарко натопленной будке у ворот – угостил сигаретой дежурного охранника, рассеянно проиграл ему партию в нарды и, наконец, направился в дом с твердым намерением отыскать в аптечке какое-нибудь снотворное, лечь в постель и до утра забыться сном.

В холле опять было шумно, и шумел опять неверный, с неизвестной целью привезенный хозяином из города. Он стоял на лестнице, пьяно шатаясь, отбивался от пытающегося его урезонить Расулова и орал во все горло, заплетающимся языком требуя немедленно вызвать такси. Уважаемый Магомед терпеливо втолковывал, что в таком состоянии гостю лучше не покидать дом и что если тот все-таки так уж сильно желает прокатиться, водитель Абдул охотно отвезет его, куда он скажет.

– В гробу я видал твоего Абдула вместе с твоим «мерседесом»! – разъярялся пьяный, испытывая терпение всех, кто находился в доме. – Я же русским языком тебя прошу: такси мне вызови, будь, пожалуйста, так добр, окажи любезность! На колени перед тобой стать? Ну, хочешь, стану? На!

Он и вправду попытался стать на колени, явно позабыв при этом, что разговор происходит на лестнице. Это стоило ему потери равновесия, и он непременно скатился бы вниз, пересчитав все ступеньки, если бы Расулов его не поймал.

– Мерси, – сказал пьяный, цепляясь за одежду уважаемого Магомеда. Потом хихикнул, выпрямился, картинно повел рукой и явно экспромтом продекламировал: – За поддержку вам мерси, вызывайте мне такси! Желание гостя – закон, ты что, забыл? – добавил он в прозе, пьяно грозя Расулову пальцем.

– Ты ведешь себя неразумно, дорогой, – увещевал его тот.

– Согласен! – не отрицал очевидного гость. – Знаешь, как у нас говорят, когда за стол садятся: прощай, разум, встретимся завтра! Как насчет завтра, не знаю, – неожиданно впав в задумчивость, с сомнением произнес он, – но, может, хотя бы послезавтра?

– На все воля всемогущего аллаха, – степенно ответил уважаемый Магомед, терпение которого, казалось, не имело границ.

– Э, врешь! – торжествующе объявил пьяный. – Я не по этой части, у меня свое начальство, которое смотрит на употребление спиртного сквозь пальцы. Помню, пили мы с одним попом. В Чечне это было – там, у вас... – Он размашисто указал рукой куда-то в сторону выхода. – Мы как раз банду накрыли, вырезали всех, как свиней, до последнего человека... Я никого не обижаю, нет? – притворно спохватился он, обводя холл невидящим взглядом остекленевших, бессмысленных глаз. – Может, кто-то считает меня неполи... неполлит... ра... Тьфу, язык сломаешь! Неполиткорректным, вот! А?! Милости прошу на диспут... Рыло начищу в лучшем виде, как тем козлам в ауле... О чем бишь я? Аул какой-то... А! Поп! Точно. Короче, сунулись в подвал, а там заложники, и среди них этот самый поп. Ну, долго рассказывать, что да как. Главное, потом, как за стол уселись, он, собака бородатая, нас всех перепил. Шестерых бойцов спецназа – перепил, как детей! И притом на голодный желудок. Что это, если не божья помощь? Святой человек! А ты говоришь – аллах не велит... Потому вы этот запрет сами себе и придумали, что кишка у вас тонка...

Магомед Расулов уже откровенно озирался по сторонам, явно не зная, как заткнуть этот фонтан решительно неуместного красноречия, не оскорбив при этом гостя. С точки зрения Амана Муразова, который пребывал далеко не в лучшем настроении и не имел причин считать себя чем-то обязанным этой болтливой пьяной свинье, гость уважаемого Магомеда наговорил уже достаточно для того, чтобы быть выброшенным вон, а еще лучше – убитым на месте. Но нарушить приказ хозяина он не осмелился, а просто шагнул вперед, выйдя из тени на яркий свет и тем самым молчаливо предложив Расулову свои услуги.

Его заметили и к его услугам не замедлили прибегнуть – правда, совсем не так, как он рассчитывал.

– Аман, дорогой, – обратился к нему Расулов, – вызови такси, усади гостя и дай таксисту денег.

– Это другой разговор! – обрадовался пьяный.

– Надеюсь, ты сумеешь найти обратную дорогу, – вздохнув, сказал Расулов.

– Не маленький, не пропаду, – с пьяной самоуверенностью заверил его гость. – Ключ от входной две... Ах, да! – спохватился он. – У тебя же тут осадное положение, круглосуточная караульная служба по всему периметру... Значит, ключа не надо, меня и так впустят. Впустите ведь, браток? – обратился он к Аману.

Муразов молча наклонил голову, выражая согласие. В другое время и в другом месте он поговорил бы с этим неверным иначе, но уважаемый Магомед смотрел на него в упор с верхней ступеньки лестницы, и он решил повременить. Терпение хозяина не безгранично, да и гость явно из тех, кто не умеет держать в узде свой норовистый, как необъезженная лошадь, язык. Когда-нибудь – скорее рано, чем поздно, – он договорится до прямого оскорбления, на которое даже Расулов не сможет закрыть глаза. И тогда – о, вот тогда он пожалеет, что родился на свет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.